

Сергей Юрьевич Волков
Владыки Земли
Серия «Великое Лихо», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605415
Владыки земли: Центрполиграф; Москва; 1999
ISBN 5-227-00324-6

Аннотация

Куда только ни заносило волхва Шыка с учеником Луней в их странствиях. И по подземной реке прокатились, и по радуге на волшебной колеснице. Даже сквозь мертвый лес пробились. А все для того, чтобы выжил род человеческий, не сгинул без следа по воле жестоких Владык Земли.

Содержание

Межа третья	4
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвертая	37
Глава пятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Волков

Владыки земли

*Моим родителям -
С благодарностью...*

*Когда пробьет последний миг природы,
Состав частей разрушится земных.
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них.*

Федор Тютчев

*Если Истина одна —
Мы ее уже познали.
Все невзгоды и печали
Нами выпиты до дна...*

Межа третья

Правитель Ар-Зума, Ар-шэр и Глава Кланов Огня, Любо, прозванный Троеруким, восседал на высоком, вытесанном из серого арского камня Престоле Правителей, опершись о рукоять Посоха Власти – символа всех властителей страны аров.

Перед ним в почтительном поклоне склонились верные и преданные Правителю набольшие кланов, что явились к Любо по неотложному делу. Любо кивнул, разрешая пришедшим говорить, а сам устремил свой взгляд на горящие в поставцах, торчащих из стен, факелы. В их пламени суровые стражники, застывшие вдоль стен по обе стороны широкого и высокого Большого Покоя, казались изваяниями, высеченными из камня, и Любо нравилось видеть это.

Гулко раскатился под сводами Покоя голос Главы Клана Пожирающего Огня Гарвела, старого и опытного воина, что прошел через множество битв и походов и по праву считался самым уважаемым и мудрым среди аров:

– О Любо, Правитель наш! Черные вести принес я, и хоть и готов за это голову сложить, но ради Ар-Зума донесу я их до ушей твоих, дабы знал ты об опасности и сам решил, как бороться с нею.

Внемли же, Правитель, что не все спокойно во владениях твоих, не все ары чтят тебя и не всех радует то, что Великий Сва-астик озаряет огненным своим знаком победы наши.

В домене Свудора, в землях, Кланам Земли принадлежащих, появилась арка, что возводит крамолу великую и на тебя, о Великий, и на веру нашу. Зовется она Варасой, имеет детей троих и мужа Зкарана, но муж ее, истинный ар, от жены своей безумной отрекся и забрав детей, ушел из дома, дабы не позорить голову свою.

Зовущаяся же Варасой пошла по земля Ар-Зума, и всюду, где только останавливалась она, произносила речи против тебя, Правитель, и против Великого Сва-астика направленные.

– Что в речах ее было?! – нетерпеливо и раздраженно перебил Любо Гарвела. Тот осекся, потом заговорил вновь, но уже не так торжественно и велеречиво:

– Эта Вараса предсказаниями слова свои называет, а суть их она тебе и сама охотно поведает, ибо к твоим чертогам путь ее лежал, ну, а воины мои подмогли ей побыстрее его проделать. Повелишь ввести?

Любо нахмурился, в задумчивости намотал на палец кончик длинного уса, потом махнул рукой:

– Пусть войдет и в глаза мне скажет все то, чем смущала дерзкая аров!

Гарвел обернулся через плечо, щелкнул пальцами, и пятеро вооруженных воинов его клана сквозь высокий проем входа ввели в Большой Покой простоволосую женщину тридцати с небольшим зим от роду. На ней было запыленной кожаное платье, в каких ходят большинство арок, шерстяной платок укрывал плечи, а длинные кудрявые волосы цвета горного меда, обрамлявшие красивое и гордое лицо, казались языками застывшего на миг пламени.

Вараса без трепета взглянула в глаза Любо, и Правитель аров на миг смутился, столько вызова, горечи и ярости плеснуло в него из зраков этой доселе неведомой ему арки. Однако он быстро совладал с собой, сжал покрепче Посох Власти и коротко бросил:

– Говори, женщина.

Вараса усмехнулась:

– Больно кичлив ты, Любо. Или забыл меня? Вспомни, семнадцать зим тебе было, семнадцать всего, когда встретились мы впервые. Я-то, правда, и вовсе девчонкой была, но имя мое и руку мою ты, Правитель обманной, я думала, надолго запомнил.

Любо заскрипел зубами от охватившей его ярости – вот оно что! Вот кто стоит сейчас перед ним! Давно случилось это, и Любо действительно успел забыть, нет, не забыть, ТАКОЕ мужчины не забывают, но по крайней мере изгнать из памяти тот ветреный вечер на исходе зимы, когда он, никому тогда не известный отрок, отбился от кланового обоза, возвращавшегося с торжища в свой домен, и заплутав в метели, завернул в земли соседей, и там, в амбаре сенном, повстречал бойкую рыженькую девчушку, что силки на хорьков ставила.

Нехорошее задумал тогда Любо. Хоть и было девчушке уже лет четырнадцать, а все ж рано ей было взрослой женщиной становиться, да и желания ее на то не было. Но будущему Правителю кровь в голову ударила, похоть глаза застила. Выхватил он меч, пригрозил, велел подчиниться, и совсем уж было разохотился, распалился, пользуясь тем, что в метель да стужу никто не забредет в стоящий на отшибе сенник, да девчушка не из робких да дурных оказалась.

Всех богов благодарил после Любо, что никто из мужей арских не видал, как эта соплячка рыжая его, воина-ара, взрослого уже почти что, со спущенными штанами по всему амбару его же мечом гоняла. Еле ноги унес тогда Любо, и воистину навеки запомнил он позор свой, а вот когда пришлось свидеться с рыжей бестией, не узнал – годы сильно изменили ловкую и бесстрашную девчонку из сенного сарая... Но все ж повстречались они, через столько лет, а повстречались.

Любо сглотнул с трудом вязкий комочек былой обиды, которая тем горше была, что по справедливости досталась, потом заговорил о делах нынешних, старое стараясь умять в памяти:

– Ты, Варасой зовущаяся, речи говоришь, предсказаниями именуя их. Я послушать хочу. Говори!

Вараса усмехнулась, и в карих глазах ее заплескали демоны. Поправив волосы, гордо вскинула она точеный подбородок, не тронутый еще старческой дрябью, и начала говорить, каким-то глухим и нездешним, нелюдским голосом:

– Идет смерть, на все живое смерть. Немногие спасутся, немногие уцелеют. Всех спасти можно, еще можно. Но надо Сва-астик поганый прежде в землю втоптать, капища его

порушить, и Любо, что Престолом Правителя обманно завладел, Бодана задушив, из Покоев Правительских выгнать.

И войну закончить надо, мечи на стены повесить, по укладу арскому жить, землю пахать, дома строить, стада пасти, в кузнях работать.

А если не будет того, то смерть придет и зальет землю всю слезами, и потонут в слезах тех и мужи взрослые, и жены их, и дети малые, и все-все люди, и не станет больше аров, а те, что уцелеют, выживут, на долгие и долгие века скитальцами станут, и домом их будет кибитка рваная, постелью – трава жесткая, жить они разбоем да обманом станут, и все народы земные проклянут их, и детей их детей проклянут. Все боги отвернуться от аров, и молитвы возносить они станут колесу лучистому, костру яркому да дороге пыльной, а после и вовсе в разные веры перекинутся и забудут, откуда они и кто.

Лишь кони, арские кони останутся верны хозяевам своим, но через тех коней многие ары смерть примут не раз, и род арский сечься и мешаться будет, и вырождаются ары, и сольются со множеством иных народов, и пропадут даром все знания и умения их, лишь подковы ковать да коней воровать будут они. И повинен во всех бедах этих ты, Любо, и земля должна гореть под ногами проклятыми твоими...

– Довольно! – поднял руку Правитель аров, кивнул седому сутулому воину, облаченному в черную бронь, какие в омских землях делают: – Сой, Великий Сва-астик требует себе новую жертву. Ее имя... Вараса!

– Хоть договорить-то дал бы, удоимец! – усмехнулась, уже по-человечески, женщина, поправила вновь разметающиеся волосы, выдернула руку из лап Соя: – Не хватай, сама пойду... Но помните, ары, что слышали меня – все так, как говорю я, будет! Помните...

Варасу увели. Любо устало откинувшись на спинку престола, задумался. В Большом Покое Башни Правителей горели сотни факелов, и багровое их пламя отражалось в темных зрачках Любо. К переносице сдвинутые брови, косой шрам через всю левую щеку, усы, спускающиеся на грудь – Правитель Ар-Зума больше походил на сурового воина, которому пристало жесткое седло его верного арпака или продуваемая всеми ветрами Серединного дозорная площадка на вершине сторожевой башни, нежели чертоги власти.

Но если у воина жизнь полна опасностей и смерть за спиной стоит каждый миг, то голова его светла, и все в мире ему ясно. Дюжевой или сотник приказ отдал – и вперед, или в сечу яростную, за славой и смертью, или в дозор скрытный, за наградой щедрой.

Иное дело, коли Великому Сва-астик угодно было возвысить Любо над всеми мужами арскими, всех врагов с пути убрать и сделать Правителем над всем Ар-Зумом, а значит, и над всем миром.

Власть, сила и мощь в руках Правителя Ар-Зума, подвластны ему сотни сотен людей, что по одному слову его горы своротят, леса вырубят, реки расплещут, и любой народ истребят без остатка. Нет в странах Хода силы, способной арскую пересилить, и даже омы поняли это, и нескончаемыми вереницами идут ныне по Ходу караваны с данью из страны Ом в Ар-Зум.

Но темна и часто непонятна воля Великого Сва-астика. В те краткие миги, когда является он к Любо в образе пламенеющего изломанного креста, жуткая боль корежит тело арского Правителя, и слова боговы, слышимые Любо, словно раскаленные гвозди, в голову его вбиваются.

Вот и сейчас, как только вернувшийся Сой оповестил Правителя, что Великий Сва-астик милостиво принял очередную жертву, знакомо затуманилось, поплыло перед глазами у Любо, мановением руки отослал он всех клановых набольших и стражу из Большого Покоя, а сам рванулся было к ложу, укрытому в стенной нише и мягкими шкурами снежных барсов застеленному, да не успел, упал по дороге на холодные каменные полные плиты, и тут же пронзила его боль, выгибая тело и скрючивая руки и ноги, а в воздухе, сгустившимся и мер-

цающим, вспыхнул Знак Сва-астика, изломанный огненный крест, и из ниоткуда полились тяжкие и жутко звучащие слова:

– ЖЕНЩИНА, ЧТО ВАРАСОЙ ЗОВЕТСЯ, ПО НРАВУ ПРИШЛАСЬ МНЕ, ЛЮБО!

– Рад угодить тебе, о Сва-астик Великий! – прохрипел в ответ Правитель Ар-Зума, а голос зазвучал вновь, и слова его были уже о другом:

– В ГОД ЭТОТ ПОСЛАТЬ НАДО ВОЙСКО ЗА ЛЕДЯНОЙ ХРЕБЕТ, ГРЕМОВ ДЕРЗКИХ ПОД ВЛАСТЬ НАШУ ПРИВЛЕЧЬ ЧТОБ. НЕ МЕДЛИ, НЫНЕ ЖЕ ПОВЕЛЕНИЕ ОТДАЙ! ЕЩЕ ОДНО – ЖЕРТВА НУЖНА МНЕ, ДЕВУШКА МЛАДАЯ, СТАРОГО КОРЧА, ЧТО НА ВЕЛИКОМ ХОДУ ЖИЛ, ВНУЧКА, ИМЕНЕМ РУНА. ПОШЛИ ЗА НЕЮ, ИБО ЖЕЛАЮ Я, ЧТОБЫ КРОВЬ ЕЕ ОБАГРИЛА АЛТАРЬ В ХРАМЕ МОЕМ. ПУСТЬ ИЩУТ ЕЕ ЛЮДИ ТВОИ, И ИЩУТ БЫСТРО.

И ВОТ ЧТО, ПРАВИТЕЛЬ АРОВ! НАПРАВЬ ПОМЫСЛЫ СВОИ НА РОДОВ ДЕРЗКИХ, ГОТОВЬ БИТВУ БОЛЬШУЮ, НЕУГОДЕН МНЕ НАРОД СЕЙ, И ХОЧУ Я, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ЕГО БОЛЕ... ХОРОШО ЛИ ТЫ ВНИМАЛ МНЕ, ПОНЯЛ ЛИ ТЫ МЕНЯ?

Любо судорожно сглотнул, захрипел, выкатив глаза, сквозь пену на губах прошептал:

– Все понял я, о Великий Сва-астик! Все свершу я по воле твоей, и клянусь, что если не смогу я исполнить ее, смерть меня ждет! Прими в доказательство и в жертву кровь мою, о Великий!

Любо дрожащей рукой выволок из ножен кривой джавский кинжал, привычным уже движением вспорол руку ниже локтя, но алая кровь не пролилась на пол, она алым шнуром взвилась в воздух и устремила прямо в самую середину ярко вспыхнувшего Сва-астика. Через миг все исчезло, а на каменном полу остался лежать человек с закатившимися глазами, крепко сжимавший в руке кривой окровавленный кинжал...

Часть первая Битва Богов

Глава первая Лысая гора

Все в этом мире непросто. Нет в нем ничего такого, о чем можно было бы сказать – вот, мол, очень понятная и обыкновенная вещь. Чего ни возьми, камень из придорожной канавы, былинку, что выросла у забора, козявку какую-нибудь, или дерево, или человека, или небо, реку, звезду, гору, – все имеет два, три, а то и больше, до бесчисленного больше сторон, обличий, скрытых до поры, неведомых, а порой и опасных...

Та же зима. С одного пригорка на нее взгляни – лепо! Лучшего и желать, богов гневить, не надо. Снег, синевой отливая, укутал, укрыл всю землю, словно немереная шкура волшебного зверя. Лежит он, на солнце блестит множеством искр, а под ним, под его защитой и опекой дремлют травки-козявки, малинки-былинки и жучки-паучки всякие.

По верху метелица метет, иной раз Колед такой мороз напустит – аж стволы древесные лопаются, а под снегом тепло, тишина там и покой. И будут подснежные обитатели спать сладким сном до самой весны-красны.

Человеку зимой тож хорошо... Само собой, только тогда, когда есть у него изба теплая, с очагом и дровяным запасом, когда есть вся зимняя справа меховая, когда замочены, засолены, навялены и схоронены в надежном погребе припасы. Когда есть у человека род, сотни, десятки сотен родичей, и когда чувствует человек, даже в далекие далека от дома забредая – не один он, не брошен, помнят его, ждут, а случись чего, так и на выручку поспешат, бросив все дела. Тут уж даже и зима с избой и запасами не причем, когда род за тобой, везде хорошо, не пропадешь...

А с другой стороны на зиму поглядеть если – хуже ничего и придумать нельзя. Мороз, ветер, небо низкое, и цвета серого, на бровях лежит, давит. И укывища не найти нигде, ни защиты, ни пропитания. Птицы на лету замерзают, чего уж о людях говорить! Вот и выходит – непросто мир устроен, все в нем от того, что до того было, все связано, и каждая вещь себя с той стороны открывает, с какой ты к ней подойдешь. И еще важно – с чем подойдешь...

Так думал Луня, скользя по пологим, блестящим в свете восходящего зимнего солнца корочкой наста сиреневым сугробам на лызунках. Впереди маячил Шык, одетый в рыжую лисью шубу, позади то и дело слышался треск и ругань – непривычный к бегу на лызунках Зугур частенько въезжал не туда и валился в снег.

Луня на ходу поудобнее передвинул войский пояс, чтобы ножны цогского кинжала не били по ноге, а рукоять заткнутого за ремень берского топорика не давила на живот, проверил, не развязались ли кожаные шнуры, которыми он перед дорогой примотал свой Красный меч к заспинной поняге, встряхнул сад с луком и стрелами, что висел за левым плечом, оттолкнулся коротким и легким копьем-пешней от заснеженного пня и вслед за волхвом заскользил, пригнувшись, вниз по пологому и протяженному склону старого оврага, негусто заросшего могучими дубами.

Там, за оврагом, невидимая пока за деревьями и стылой утренней дымкой, высилась Лысая гора, одна из трех известных каждому роду гор. Две других, Ратная со святилищем Руя, и Родова, с главной хорой Отца Отцов Рода, лежали на полдень и закат от земель рода Влеса, и лишь Лысая гора, в которой, внутри, в пещерах и подземельях жили Седые, что

служили вещуну-Алконосту, высилась далеко на севере, почти что на границе с землями чуждей.

Луня усмехнулся – «высилась»! Смешно сказать – «высилась»... После вершин Серединного, после исполинских пиков Ледяного, после мрачных громад Спящих гор, даже после лесистых, похожих на щетинистые спины гигантских кабанов гор Белых Цогов здешние горы не то, что горами, даже холмиками назвать язык бы не повернулся. Так, бугорки-кочки...

Однако Луня легко променял бы все могучие и прекрасные в своем величии вершины виденных им гор на эту Лысую горушку, ибо вместе с Седыми старухами жил в ней единственный кровно родной Луне человек – отец...

Вещун-Алконост, странное и страшноватое по Луниным понятиям божество, то ли птица, то ли летучий мышь громадный, но с ликом бабьим, носилось по ночам над землей, песни пело, грустные и завораживающие своей красотой, сводящие с ума, зачаровывающие, уводящие души людские из этого мира в мир ненастоящий, выдуманный, где являлись человеку видения, часто непонятные, но иногда и предрекающие будущее.

Роды верили, что Алконост – это поводырь, который ведет душу в иномировых пространствах, когда человек спит, не в себе, или одурманен зельем всяким. Может он и в земле, где предки-пращуры обитают, завести, может и в Ныево Пекло завлечь, а может – в будущее время. Тут все от человека зависит. Если непотребно живет человек, если паскудит он, вредит людям и животине, зло в сердце таит, Алконост накажет такого, может даже завести незнамо куда да и бросить душу, чтобы во век не вернулась она в тело. А тому, кто любовь ко всему живому в сердце носит, поможет, будущее явит.

Потому и служат Алконосту бабки старые, что пережили всех родных своих, детей рожали, внучат, правнуков, а иногда и праправнуков нянчили, всю жизнь, не разгибаясь, работали, заботились, ухаживали за кем-нибудь. Таких Алконост любит, таким он охотно песни свои чудные поет.

Седые старухи, и в святилище живя, забот своих не оставляют, всех сирых, убогих да калеченных, жизнью битых, смертью отринутых привечают, дают кров, пищу и догляд, избавляя родичей от лишних ртов, от обузы.

Шык, когда выходили путники из Сырых оврагов, расстелил выдавший виды Чертеж Земель Великого Хода, еще Ведом даренный, и узловатым пальцем с желтым, обломанным ногтем провел по серой коже, по наколотым на ней разноцветными красками линиям:

– На полуночь пойдем сперва. К соленой воде, к чудам, они – народ тихий, безопасно там. Дале – к закату забирая, выйдем к оконечности Ледяного хребта. Обойдем его, и попадем в Северу. Там для нас главное – гремам не попасться и с влотами не встретиться. А уж по Севере на восход двинемся, прямо до самого Обура. Пока до него дойдем, я мыслю, уже лето будет. Через Обур переправимся – и по Диким лесам прямо до Моста Народов. Если богова воля будет, в начале ревуна на Той Стороне окажемся. Но это не скоро еще. А пока на лызунках побежим, по насту хорошо идти будет, через семидицу к Лысой горе выйдем. Там я с Алконостом-вещуном говорить буду, он ничью руку не держит, авось скажет чего путного. А Лунька с отцом повидается, небось соскучился уже?

Луня тогда лишь молча кивнул согласно, а у самого сердце забилося – отец, в былые времена первейший охотник, зверовик, добытчик, всегда был для Луни тайной гордостью. Крепко в душе переживал Луня, что среди всех ровесников своих в городище он один сиротой круглым был. Ребятишек, у кого отцов не доставало, не мало насчитывалось в городище, ведь каждому пахарю-орату за меч в тяжкую годину браться приходилось, а войская доля, известное дело: битва, слава да тризна... Но вот чтобы ни отца, ни матери – такой Луня один был, причем жив отец у него, жив! Жив, а как мертвый...

Верил Луня, всегда верил, по ночам во сне не раз видел, что поправился отец, вернули ему светлые боги душу, разогнали тучи, что разум застили. Но годы шли, а отец все также жил у Седых, и когда Луня навещал его там, то всегда заставлял сидящим у очага и глядящим в огонь невидящими глазами, молчаливого и никого не замечающего.

* * *

Поскрипывая лызунками, опираясь на пешни, путники выбрались из оврага и выкатились на небольшую, заснеженную полянку у подножия Лысой горы, окруженную плотной стеной могучих, суровых в своем величии дубов. На белом снегу четко выделялся узкий, похожий на трещину в древесном стволе вход в пещеры, чуть заметно курящийся то ли дымком, то ли паром. Там, в недрах горы, и жили Седые, а было их всего полтора десятка, полтора десятка высохших, сморщенных, еле-еле двигающихся бабок, умудрявшихся, однако, не только себя блюсти, но и два десятка умом повредившихся, калеченных и вечно болезных родовичей содержать.

Шык ловко объехал поваленный, разлапистый древесный ствол, что под толстой снежной шубой походил на уснувшего медведя, остановился, снял лызунки, воткнул их торчком в снег, рукавицей огладил жесткий, остевый мех с нижней стороны каждой лызины, стряхивая намерзший ледок. Луня с Зугуром сделали то же, оправили одежду, смахнули с лиц куржуня, Зугур обломил с длинных усов наросшие по дороге сосульки – вроде уже и сечень к концу, а так зябко, словно и просинца половина не прошла, только шевеление в дороге грело и давало.

Минув устье подземелия, путники оказались в небольшой пещерке с низким сводом. Здесь было сумрачно, в бронзовом поставце неярко горела длинная лучина. Вдоль каменных стен стояли широкие, выскобленные до желтизны лавки, две прялки с вырезанными на лопатинах громовыми знаками – от дурной нечисти. В глубине пещерки виднелся проход, ведущий в глубь горы. Оттуда слышались голоса, шарканье ног, старческие побряхтывания.

Вскоре появились и хозяйки Лысой горы – в пещерку, где стояли Шык, Луня и Зугур, вступили три сгорбленные, седые старухи, одетые в теплые душегрейки и длинные шерстяные юбки и увешанные особыми, бабьими, оберегами.

– Здоровия вам, бабушки! И тебе, Стана, и тебе, Незванна, и тебе, Краса! – низко поклонились путники Седым. Шык, выступив вперед, подал старухам руку, помогая усесться на лавку. Стана, самая сморщенная, седая и горбатая бабуля, к тому же еще и одноглазая, поправив сработанную из светлой гривны на шее, проскрипела:

– И тебе здравия желаю, волхв Шык, что отринул свой посох и свое имя! И Луня тут? Здравствуй, внучек, как подрос-то! Незванна, глянь-кось, каков стал!

Незванна, отложив в сторонку свою клюку, подняла с лица пряди выбеленных временем волос, зыркнула бельмастыми глазами на Луню:

– И верно, Лунька! Отца навестить пригел? Молодец, внучек, молодец! А это кто? Не знаю я сопроводника твоего, Шыкушка. Хтой-то?

Зугур выступил вперед, поклонился еще раз:

– Не род я, старушки! Зовут меня Зугур, я вагас, сын вождя Зеленого коша.

– А и ладно... – махнула сморщенной рукой Стана, простодушно сказала: – Вагас, так вагас, лишь бы человек был хороший.

– Небось Шык плохого с собой не приведет! – вмешалась в разговор Краса, склонив свой длинный и крючковатый нос с бородавкой на конце к самому уху Станы. Старухи согласно закивали и выжидающе посмотрели на Шыка, мол, чего скажешь, волхв, с чем пожаловал?

– С поклоном мы к вам, бабушки, от всего рода Влеса, от земель наших, от людей. – не спеша начал говорить Шык: – Путь наш долог будет, вот мы в начале вас навестить решили, погостить маленько, ну, и Алконосту поклониться...

– Ай, Шык, вечно ты как выюн речной! – сердито блеснула единственным глазом из-под клочковатых бровей Стана: – Сроду я от тебя прямого слова не слыхивала, а ведь я тебя еще сосунком помню! В будь закраинную заглянуть хочешь? Так так и говори, а не вертись цмоком на угольях! А про поход ваш мне ведомо. Про тот, из которого вы вернулись недавно. А вот куда нынче идете... То ваше дело! Но перечить воле твоей, Шык, я не буду, да и сестры мои тож. Про великие беды, что мир сострясает, раскалывают его на две части, известно нам, но Алконост ничью сторону не держит, а потому все так будет, как он захочет. Идите за нами, родичи, и ты, пришлый человек Зугур, обогрейтесь, перекусите, чем Род послал, что Яр даровал, а как отдохнете, приходите к Мертвому Омуту, мы с сестрами там вас дожидаться станем...

Старухи, опираясь на клюки, не спешно поднялись, и шаркая ногами, двинулись внутрь горы. Путники отправились следом. Зугур, невольно пригибая голову, недовольно пробормотал что-то про мышинные норы, по которым ему опять приходится лазить, Шык молчал, задумавшись о чем-то своем, и лишь Луня, радуясь предстоящей встрече с отцом, забежал вперед и принялся выпрашивать у Седых, как он поживает, да не болеет ли...

Неширокая и извилистая нора, по которой шли путники, привела их в Припасную пещеру, оттуда – в Трапезную, оттуда – в Мойню, где тек неглубокий подземный ручей, не замерзавший даже в самые лютые зимы, а уж потом они оказались в Большой пещере, длинном подгорном зале, где жили Седые и все, кто был у них на попечении.

Зал, поделенный деревянными и каменными перегородками на клетушки, отапливался десятком дымных очагов. Клубы черного в полумраке дыма поднимались к неровному, изрядно закопченному каменному потолку и сквознячком утягивались вон, в тайные отдушины и отнорки. В конце Большой пещеры высился деревянный идол, обряженный в вышитое нарядное платье – Мокошь, Великая Мать, Прародительница всего живого, главная бабья, а коли подумать, то и вообще главная богиня родов.

Навстречь путникам, приплясывая, гыгыкая и звеня бронзовым бубенцом, бросился дурачок Мизя, из рода Горностаев, человечек добрый, ласковый ко всему живому, но в свои сорок зим так и оставшийся по воле богов с разумом полутора годовалого ребенка.

Мизя любил весь мир, ластился ко всем, а если его отталкивали, обижался и плакал. Дурачка жалели, но в городище Горностаев жить ему было тяжело – поди угляди за блажным. Так Мизя оказался в Лысой горе.

– Ходишь, ходишь, чего ходишь? – приплясывая вокруг Шыка, залепетал Мизя свои присловия, ему лишь одному и понятные, растягивая в улыбке слюнявый рот. Шык вынул из кармана свой шубы ломоть сотового меда, завернутый в бересту, и деревянную колотушку, подал дурачку, улыбнулся:

– Бери, Мизя, светлая твоя головушка!

Мизя радостно захохотал, сунул мед вместе с берестой в рот, и гремя дареной колотушкой, помчался куда-то, влекомый лишь ему одному понятным делом. Луня заметил, как Зугур скривился, вопросительно глянул на вагаса. Тот, помрачнев, пояснил:

– У нас считают, что в ТАКИХ злой демон сидит. Если близко к нему подойти, он на тебя набросится и тоже ума лишит. У нас ТАКИХ к коню привязывают и в степь того коня гонят...

Луня только вздохнул, сворачивая к знакомой клетушке возле большого валуна – тут жил его отец. Шык с Зугуром лишь поклонились сидящему у очага спиной ко входу человеку и пошли трапезничать, дабы не мешать Луне. Бывает, что одному, без поддержки – лучше...

Луня медленно приблизился к сидящему, протянул руку, дотронулся до покрытого грубой шерстяной накидкой плеча:

– Здоров ли, батя? Вот и свиделись...

Сколько раз раньше, в детстве еще, приезжал Луня, летом по воде, зимой – на лызунках или на лосе, сюда, сколько раз он вот так же подходил к отцу, и всегда жила в его сердце надежда, что в ответ на свои слова он услышит: «Здоров, сынок, и тебе того же желаю! Как ты? Садись к огню, поговорим...».

Тогда не слышал ни разу, и сейчас тоже – тишина, только потрескивали в огне поленья. Луня скинул с плеч понягу с притороченным к ней дорожным мешком и мечом, снял сад с луком, сел справа от отца, заглянул в лицо. Постарел отец за тот год, что не видел его Луня, здорово постарел. Совсем седыми стали волосы, борода, усы. Легли у глаз похожие на росчерки птичьих лапок на песке морщины, согнулась спина. И только глаза, ярко-голубые, цвета осеннего неба в яркий, необычный для осени день, остались прежними, такими, какими были они в тот миг, когда узнал он, Мочаг, лучший охотник рода Рыси, что гремский каменный топор лишил жизни Личу, солнце его, жизнь его, жену его, мать его сына...

Луня подбросил дров в очаг, достал из мешка горсть лущеных орехов, вываренных в меду, всыпал в отцову руку. Знал – сам есть не будет, он вообще ничего не ест сам, кормить надо, но очень хотелось Луне хоть как-то одарить того, кто его на свет породил.

– Я, батя, в далеком походе был, вот... – запинаясь, нескладно – рассказчик-то из него никакой, начал говорить Луня: – С Шыком, с волхвом нашим. Вож мне Красный меч дал, теперь я – как вой настоящий, и ратиться мне довелось, и с корья, и с берами, и с хурами, а от зулов поганных еле-еле ноги унесли! Мы теперя в новый поход отправились, за Могуч-камнем, в дальние дали, а иначе кончится род людской на земле, слышь, батя? А еще на драгоне-птице мы летали, и в подземелья к невиличникам я лазил. Ты за меня не бойсь, меня Зугур, он вагас, мечевому делу учит, вожд одобрил, так что меня теперь забить трудно! А еще, батя, приглянулась мне дочка Корча, что в Доме на Великом Ходу Хозяином. Ее Руной звать... У нее мать гремка, но это ничего, Корч, он наш, род он, значит и она – родка, ведь правда? Вот только не знаю я, живы ли они сейчас...

Луня умолк, помрачнев, тоже уставился в огонь. Воспоминания о Руне разбередили душу, заняло сердце – почему я не птица, почему слетать не могу, глянуть, как там она, что с ней?

Говоря с отцом, Луня словно бы говорил сам с собой. Будь отец в себе, в уме и в здравии, вряд ли стал бы Луня с ним откровенничать, среди мужей не принято такое, это только девки с матерями всеми своими немудреными тайнами делятся – кто на кого поглядел, да как. У мужчин разговор другой, да только и отец уж боле не охотник и не вой, да и Луня, он ведь как никак – волхв, хоть и молодой совсем. Словом, всегда все рассказывал о себе сын отцу, каждый раз, когда приходил сюда, в Большую пещеру под Лысой горой.

– Ну все, пора мне, батя! Поесть с дороги надо, Шык с Зугуром ждут меня, поди. А потом к Мертвому Омуту мы пойдем, в глубь горы – Шык, слышь-ка, с Алконостом говорить хочет, во как! Ты это, батя, орешков-то поешь, они сладкие... Вот. Я зайду еще, попрощаться зайду!

Луня подхватил с лавки свои вещи и решительно шагнул к выходу из клетушки, а за его спиной у неподвижно сидящего возле очага человека вдруг дернулась рука и орехи с веселым стуком раскатились по каменному полу. Но Луня этого не увидел...

* * *

Шыка и Зугура Луня нашел у Главного Очага, что горел в конце Большой пещеры, у ног Мокоши. Волхв и вагас разулись, поставили катанки и меховые липты ближе к огню –

сохнуть, а сами не спеша ели деревянными долблеными ложками похлебку из большой глиняной мисы, заедали ломтями свежего жита, да отрезали от здоровенного шмата розоватое сало.

– Как Мочаг? – спросил Шык. Луня молча разулся, поставил сушиться свою обувку, подсел к столу, кивнул наконец:

– Ничего, дяденька, жив, хвала Роду. А в остальном – все также...

Путники молча ели. Шык с Зугуром, уже насытившиеся похлебкой, жевали сало с житом, а Луне пододвинули мису – давай, мол, после холодов горячее да жидкое, из мяса сверенное – само то, что надо.

Появившаяся у стола старуха принесла кувшин с травяным настоем, плошку с блинками, залитыми медом, подхватила опустошенную Луней мису и ушла. Путники поели блинков, и Шык встал:

– Блага дарим столу этому и хозяйкам его заботливым и хлебосольным! Будьте здоровы, бабушки, зело вкусен и сытен был обед наш!

Из полумрака выступила, словно соткалась из воздуха, Незванна, покивала, хехекнула:

– Знаешь, Шык, чем баб улестить – стряпню похвалишь, и баба тает уже. А если скажешь, что она еще и красавица писанная, так она вообще поплывет, замлеет от радости...

– Так, а отчего не сказать. – усмехнулся Шык: – Скажу: таких красавиц, как у вас тут, в Лысой горе, отродясь встречать мне не приходилось! А то, что красивы вы не обликом внешним, а душой своей, так это дела не меняет!

Незванна покивала, мол, услышали мы слова твои, волхв, а потом махнула рукой:

– Пора к омуту иттить, Стана там уже, и другие тож.

К пещерке, где находился омут, вела извилистая и тесная нора, вроде той, по которой Луне за драгоновой смертью идти пришлось. Рослый Зугур еле-еле продирался через прихотливые изгибы норы, обдирая плечами покрытые плесенью камни стен. Наконец добрались.

Луня увидел почти круглую пещеру, в центре которой располагался Мертвый омут, словно вбил кто в каменный пол бочку с черной водой, вбил по самый край. Вот только не было, Луня знал, у той бочки дна...

Над мертвой водой курился желтоватый в свете лучин дымок, завивался спиралью и уходил вверх, в сереющее маленьким пятнышком сквозь пролом в горе где-то далеко наверху небо. Здесь, у Мертвого омута, Седые вверяли души свои Алконосту, творили обряды, приносили жертвы. Сюда же приводили тех, кто желал с вещуном поговорить, будущность узнать. Не всех приводили, разборчивы были старухи, но вот их – привели...

Седые стояли вдоль стен, закутанные в серые шерстяные платки, Луне даже показалось, что это не живые люди, а идолы, накрытые покрывалами. Чей-то заунывный голос тянул чаровную песню:

...И закрылися очи ясные,
Очи ясные, зоркоглядные.
Перестало тут биться сердушко,
Опустилися белы рученьки.

Пал на земь сыру славен Стра, яр вой,
Муж среди мужей, Пера-бога сын.
И душа его белой зирочкой
Понеслась отсель в небо дальнее,
Понеслася она в небо дальнее,
Запредельное, заповедное.

Там встречал ее Алконост-Вещун,
Алконост-Вещун, Зирок проводник.
Брал он зирочку Стра Перовича,
Брал за крылушко белоперое.

«Ты скажи-скажи, зирка-зирочка,
Что за жизнь была у тебя внизу?
Коль забыла ты чтить богов людских,
Коль губила ты жизни людские,
Полетишь тогда ты в далекий путь,
Вкруг земли большой, в пекло Ныево!

Ну, а коль жила по укладу ты,
Улетишь тогда в светел Ирий-сад,
Там среди других предков родовых
Будешь жить всегда светло-благодно!»

Отвечала тут зирка-зирочка:
«Я богов людских чтила истово.
Не губила я жизни людовы,
А губила лишь погань лютую,
Защищая род, землю-матушку,
Защищая жен, малых детушек!»

Как взъяриться тут Алконост-Вещун:
«Почто хочешь ты обмануть меня?!
Когда молод бы Стра свет-Перович,
Утопил же он деву в омуте!
Вся вина ее лишь в одном была —
В ней любовь зажгла Лада-Ладонька!»

Отвечала тут зирка-зирочка:
«Стра свет-Перович не виновен в том!
Замышлял та девка бесстыжая
Извести жену Стра свет-Перовича,
Извести его малых детушек,
И самой возлечь возле мужа Стра!

Вот за то ее темной ночью
И пустил он в омут на реченьке,
А теперь же ты, Алконост-Вещун,
Навсегда сгубить хочешь зирочку!»

Не задумался Алконост-Вещун,
Ни на миг един не замыслился.
Он повел крылом и сказал тогда:
«То, что дева та неразумная
Сотворить хотела ужасное,

То ее вина, ей за то платить,
И она расплатилась уж – смертушкой.

А вот зирочка славна мужа Стра
За СВОЮ вину в пекло Ныево
Станет путь держать, вокруг земли лететь,
Чтобы сгинуть там в веки вечныя!»

Так сказал-пропел Алконост-Вещун,
Затворил небеса недолетные,
И помчался зирка мужа Стра
Прямо в жар-огонь пекла Ныева...

Былинная песнь кончилась. Луня уже слышал ее раньше, но тут невольно еще раз подивился той необъяснимой прихотливости, с которой устроен мир – за то, что хотел сделать один человек, потом расплачивается другой. А вот если бы не убил Стра свет-Перович воспылавшую к нему любовью деву, она извела бы его жену и детей – и поплатилась бы за это посмертием своим, зато земную жизнь провела в любви и счастии. В былине же все случилось наоборот...

Тут один из завернутых в ткань идолов у стены зашевелился, выступил из полумрака на свет, и Луня узнал Стану.

– Не передумал ли, Шык? – спросила она, обращаясь к волхву: – Готов ли? С Алконостом говорить, сам знаешь, непростое дело...

– Не передумал, бабушка. – твердо сказал Шык: – Поганств подлых сроду я не делал, а уж если что другое в жизни моей Алконосту не глянется, так тому и быть, пусть сам решает.

Стана покивала седой головой, выпростала из складок плата сморщенную, коричневую руку, скрюченными, на птичьи когти похожими пальцами подала волхву деревянный рог, вроде коровьего, и мешочек с травами.

Шык начал забивать травы в широкий раструб рожка. Луня по запаху определил: дурман-трава, цветки конопли, белена, грибы какие-то сушеные. Зугур шепотом спросил в самое Лунино ухо:

– Что это, зачем?

– Чтобы тело уснуло, а душа освободилась на время, в иномировое небо, к Алконосту, улететь смогла!

– А-а-а! – все так же шепотом протянул вагас: – А у нас шаманы траву степную, коноплю сухую, в костер охапкой кидают, и дымом дышат. Тогда они богов видят и говорят с ними.

Шык забил рожок травяной смесью, подхватил пальцами уголек с лучинки, положил на травы, сунул узкий конец рожка в рот, потянул, раз, другой, третий, выдохнул синевато-желтый, прямо и дурманяще пахнувший дым, кивнул Стане:

– Можно начинать! Только это... ты манку вон ему, Луньке, дай! Пусть он стучит.

Стана зло сверкнула выпученным глазом, но перечить не стала. Луня принял из ее рук манку – деревянный, пустой внутри чурбачок и обшитую кожей летучей мыши колотушку. Когда душа к Алконосту уходит, ей потом дорогу назад найти надо. Поэтому сидит рядом с тем, кто с вещуном говорит, человек и в манку стучит, с сердцем своим удары сверяя. На звук манки душа назад летит, в тело возвращается, а иначе нельзя, иначе помрет без души человек, к Маре отправиться...

Шык сильно и глубоко втянул в себя чародейный дым из рожка, опустил на низкую деревянную скамеечку, кивнул Стане – давай, начинай, и закрыл глаза.

Стана уселась поудобнее и завела тонким голос древний напев, взывая к Алконосту, провожая Шыкову душу в далекий путь.

«Ты, Алконост-вещун, ночной летун, меня услышь, не отвратись, не покинь, не сгинь. Летит к тебе душа, летит не спеша, ты на небе ее прими, спроводи, все, что ей надо, покажи, где надоть, поддержи, где надо, подскажи. Слово мое к тебе услышь, Алконост-вещун, летучая мышь...»

Голос Станы постепенно затих, и в наступившей тишине раздались удары колтушки в манку: Тук-дук. Тук-дук. Тук-дук.

Глуховато, не спешно, не очень громко, но и не то, чтобы тихо, звучит манка. Вьется в застоявшемся воздухе сизо-желтый дым, мешаются его летучие, прозрачные пряди с дымком, что поднимается из Мертвого омута. Засыпает тело волхва, отлетает душа. Что увидит она, что ждет ее в иных мирах? Про то Шык после расскажет, а пока важно не сбиться, сердце слушать: тук-дук. Тук-дук. Тук-дук.

Зугур, потянув пару раз носом, тоже прикрыл глаза – чародейный дым успокаивает, усыпляет. Вон, и Седые прилегли у стен, и Стана села, уткнувшись носом в колени. Только ему, Луне, спать никак нельзя – пропадет Шык, если манка замолкнет, совсем пропадет, а вместе с ним исчезнет и последняя надежда Землю спасти, Великое Лихо отвести от людей. Но дым так сладок, навевает такую дрему... И манка звучит усыпляюще: Тук-дук. Тук-дук. Тук-дук.

– Луня-я! – зашипела рассерженной кошкой Стана, ткнула ученика волхва невесть как очутившимся у нее в руке острым веретенем в лоб: – Сердце слушай, соня!

Луня вскинулся, дернул головой, стряхивая сонную одурь, и манка зазвучала иначе: тук-дук-тук-дук-тук-дук!

– Успокойся! – Стана вытерла Луне кровь со лба, дунула в расширенные глаза: – Дыши медленно, и борись, борись с чарами, а то пропадет Шык-то, потом сам себе не простишь! Он не зря тебе манку дать велел – испытывает тебя волхв, во как!

Луня, чтоб взбодриться, закусил губу нижнюю, так зубами прижал – аж кровь во рту почуял, а спать все одно хочется, спасу нет. Тук-дук. Тук-дук. Тук-дук.

Наконец все закончилось. Растаял, развеялся без следа в воздухе колдовской, омутный дым, проснулся Зугур, спросоня едва не за меч схватился, не понимая, где он и что с ним. Пробудились Седые, и Стана, повертев носом, объявила:

– Пора!

– Тук-дук! Тук-дук! Тук-дук! – громче и настойчивее зазвучала манка в Луниных руках, приманивая душу волхва обратно, зовя ее возвратиться в тело. Вот Шык пошевелился, дрогнули сомкнутые веки, волхв сделал глубокий вдох, за ним второй, третий...

– Славно почивали, дяденька! – откладывая манку, улыбнулся проснувшемуся Шыку Луня, но тут же осекся – судя по мрачному лицу волхва, по ярости и злобе, стоявшей в глазах, ничего хорошего его душа в иных мирах не увидела.

Шык, пошатываясь, поднялся, опершись на руку Зугура, поклонился Седым до земли, глухо сказал:

– Спасибо вам, бабушки, пусть дадут вам здоровья все боги светлые, да пусть заберут себе ваши немочи все боги темные! Блага дарю вам за помощь, а теперь пора нам!

Луня, несколько опешив от таких скорых прощаний, сам-то он надеялся хотя бы в тепле переночевать, шагнул вслед за Шыком и Зугуром из пещерки, поклонившись напоследок старушкам, и по пути в Большую пещеру, ухитрившись протиснуться в одном более-мение широком месте вперед Зугура, нагнал волхва и спросил:

– Чего там увидел-то, дяденька? Никак помрем мы все, упаси нас Влес?

– После скажу. Времени у нас нет, Луныка, поспешать надо, зело поспешать. Чеши, с отцом простишь, да к выходу давай!

Луня знал – когда Шык говорит ВОТ ТАК, лучше и не вступать поперек. Змейкой проскользнув в тесной норе вперед волхва, он бегом бросился в Большую пещеру, похватал вещи и кинулся к отцовой клетушке. Там все было по прежнему – отец все также сидел, глядя в огонь, и в тишине было слышно лишь потрескивание дров в очаге.

– Батя, прощаться я пришел! – присев возле отца, сказал Луня: – Пора нам, спешить надо. Ты эта... Выздоровливай, а? Бать, слышь, ведь нету у меня боле никого! Я за тебя всех богов тресветлых молить стану, ты только давай... эта... ну, сам понимаешь. Все, бать, пошел я. Свидимся еще, я вернусь, скоро вернусь!

Луня вскочил, еле удерживая слезы, шмыгнув носом и опрометью бросился к выходу. И опять он не увидел, как шевельнул рукой отец, складывая пальцы в охранный знак, что должен был отпугнуть все нечисть злую, что сыну его могла на долгом и трудном пути встретиться.

Глава вторая Дар Вокуи

Когда бежишь на лызунках по лесу, не очень-то поговоришь. Всю дорогу надо глядеть, куда лызины направляешь, от веток уклоняться, деревины объезжать, то в горку бежать, то под горку катиться. Словом, не до разговоров. Поэтому, как не мучало Зугура и Луню любопытство, а выяснить, что же увидел волхв в иных мирах, они не могли, как и не могли даже догнать Шыка.

Ну, ладно, Зугур, он с лызунками познакомился семидицу назад, трудно ему управляться. Но Луня-то, со своими длинными «махалками», он-то в городище чуть не лучшим бегуном был. Однако далеко не молодой уже Шык несся по сиреневым в вечерних сумерках сугробам так, словно за ним сам Владыка, чтоб его лихоманка скрутила, поспевал. И сколько ни старался Луня, догнать волхва он не мог.

Лишь после заката, в серой зимней лесной темноте остановился Шык, скинул лызины и принялся споро раскидывать снег, готовя яму для костра и ночлега.

Луня подъехал, когда Шык уже запалил Зничев цвет и топил в бронзовом котелке воду для взвара, подбрасывая туда изредка комки снега. Зугур тащился где-то сзади, идя по Луниному следу.

– Уф! Загнал ты нас совсем, дяденька! – Луня сплюнул в снег дымящуюся паром на морозе слюну, выпростал ноги из кожаных лямок лызунков, плюхнулся в сугроб, умыл лицо снегом, отдышался: – Чего бежали-то так, а? Что видал-то ты тама, у Мертвого омута?

– Зугура подождем, потом расскажу. – угрюмо буркнул Шык: – Ты давай, Лунька, в снегу не сиди, Лихие Радены вон за каждой елкой сидят, чуть околохнешь посля беготни, тут и вцепятся! Вставай, за дровами сходи.

Луня послушно встал, воткнул лызины в снег и принялся собирать сучья и крупные ветки, нет-нет да и прислушиваясь – не слышать ли припозднившегося Зугура.

* * *

Зугур приплелся, когда уже вызвездило. К тому времени Шык с Луней сгоношили ужин, приготовили все к ночлегу. Поели молча, а потом Луня и Зугур выжидательно уставились на волхва. Тот уселся поудобнее и заговорил, глядя на пламя костра:

– Когда тело мое уснуло, душа вылетела вон, и я увидел со стороны и себя, лежащего на полу у омута, и Луню с манкой, и Седых. А потом чародейный ветер повлек меня вверх, на небо, и куда-то выше, в иные миры и иные межзвездные бездны. И вот увидел я Алконоста, и походил он на плат черный, тряпицу рваную, на лоскут мрака, а посреди того мрака личина старушечья на меня глядела.

Я сказать хочу Алконосту, мол, приветствую тебя, и здоровья желаю, и блага получать желаю, а душа уст не имеет, молчит она, но он, Алконост, понял,дохнул на меня, легонько так, и понесло меня, понесло, закружило по небесам, по мирам и временам, пока не выкинуло раз туда, куда мне и надобно было – в будущность нашу, в весну грядущую.

И увидал я, други, страшное! Такого еще ни один смертный не видел, и не увидит, Род даст, никогда, а коли увидит, то последнее это будет из видений его пожизненных.

В устье большой реки, Обура, видать по всему, на высоком берегу, только от снега освободившимся, стояли мы, трое все, и в небо, задрав головы, глядели. А в небе, в синеве васильковой, разыгралась Битва Богов, сошлись там на ратовище Владыка с прислужными своими, и наши боги, те, кто за людей постоять решил.

Понял я это, или подсказал мне кто – точно не знаю, потому как ликом божеских увидеть нельзя было, просто сошлись в синеве стрелы огненные, дымы черные, молоньи светлые, искры багряные, туманы сизые, огни зеленые, и все это в миг в чародейскую круговерть смешалось, и загрохотало кругом, и земля затряслась, и небо почернело, и воды реки на дыбы встали, и померкло солнце...

Долго они бились. От жара и огня, что полыхал в небе, занялась пожухлая прошлогодняя трава, земля покрылась трещинами, а мы, пав в ужасе ниц, закрывались плащами от пепла, падавшего повсюду. Время от времени на землю то там, то тут низвергались огненные шары и взрывались с ужасным грохотом, окутываясь дымами. То поверженные боги разбивали свою сущность о твердь земную. Не мог я понять, что за боги гибли, наши или супротивные, как не мог понять, как вообще может погибнуть бог, но душа моя чувствовала – каждый огненный шар нес в себе божественную суть, а взрываясь, терял ее без возврата.

И тут случилось самое страшное. Неожиданно разошлись небеса, и из слепящего марева разрыва глянули в мою душу глаза самого Владыки! И задрожал я в страхе, и понесся прочь, ибо Владыка узнал меня, узнал, и тут же прочел в душе моей, зачем я здесь.

Но прежде чем моя душа сумела ускользнуть от Владыкова Ока, заметил я, как в тот холмик, где стояли мы с вами, други, и откуда зрили за Битвой Богов, ударил небесный молот, и обратил плоть нашу в кровавое месиво из мяса и костей. Словом, погибли мы...

В ужасе необычайном возвал я к Алконосту, умоляя вернуть меня назад, в наши времена, в тело мое, но прежде чем это случилось, я услышал глас Владыки: «Ты бессилен против меня, человек! И ты, и все остальные люди – все вы умрете, ибо так хочу я, Владыка Мира, и никто не сможет противиться моей воли!...»

Долго мчалась моя душа сквозь тьму и свет, сквозь пламя и дождь, прежде чем в каком-то сумрачном месте, где лишь тени колышутся среди теней, не встретился мне кто-то, похожий на слабой подобие человеческой души, горящей тусклым пламенем, и он сказал мне: «Беги! Беги из Лысой горы не медля, иначе погибнешь, и дело, тобой и твоими спутниками начатое, уж некому будет закончить!».

Подумал я, что это дух, посланный Хорсом или еще кем из светлых богов, явился упредить меня, и кинулся дальше, и услышав звук манки, вернулся в тело свое...

Вот так все было, други.

Волхв замолчал, глотнул из баклаги остывшего ягодного взвара, пошебуршил кривым березовым суком прогорающие поленья в костре.

– Ну Владыка, ну сын шелудивой суки шакала! Добрался он, значит, до нас! – рявкнул в наступившей тишине Зугур, плюнул в снег и с мрачным упорством принялся точить лезвия секиры, да так, что искры из-под оселка летели.

– Покуда не добрался. – поправил вагаса Шык: – Но может статься, что доберется...

– Что ж за напасть должна приключиться с Лысой горой? – угрюмо спросил Луня: – Ведь люди там, Седые, и отец мой, и другие еще! Что ж мы не упредили их, дяденька?

– Думаю я, Луня, что опасность не Лысой горе, а нам, мне, тебе, Зугуру, угрожала, а может, и по сию пору грозит. Понял Владыка, что я к Алконосту взывал из пещеры у Мертвого Омута, понял и мог ТАМ нас истребить! Ну, а коли нас там нет теперь, он снова на поиски кинется и слуг своих пошлет. Крепко надеюсь я на Хорса и других богов наших – авось прикроют, дадут до Могуч-Камня добраться, если только...

– Что – если только? – насторожено спросил Зугур.

– Если только та битва в устье Обура, которую я в будущем видел, не истребит их до последнего! И нас, без поддержки оставшихся, заодно. – Шык встал, подбросил дров в костер, поплотнее запахнул надетый поверх лисьей шубы подбитый оленьим мехом плащ – морозец к полуночи изрядно придавил и пробирал до костей.

– Так раз видел ты эту битву, волхв, значит будет она? И смерть наша – тож? – спросил Зугур, тоже заворачиваясь в плащ по самые брови.

– Не обязательно... – покачал головой Шык: – Будущность, что Алконост показывает, она лишь МОЖЕТ случиться. Если сейчас, в нашем времени, что-то изменится, по другому пойдет, то будущность поменяется. Все связано, всегда одно из другого вытекает, как вода из кринки, и никогда – наоборот.

Битва Богов и смерть наша в том случае сбудется, если мы все так, как задумано, делать будем, и до Обура этого треклятого в срок, что назначили, дойдем. А если раньше мы успеем, или вовсе то место стороной обойдем, то ведь не будет нас там, так?

– Ну. – кивнул Зугур.

– Вот и получается, что это уже не то, а другое будущее, а в нем все по другому случится! Не по Владыкиному!

– Так спешить тогда надо! – вагас хлопнул кулаком в рукавице о другую руку: – Спешить, торопиться, еще по снегу проскочить Обур, и не через устье идти, а ниже. Вот и обманем плохое будущее!

Шык покивал молча, потом сказал уже про другое:

– Спать давайте, други, пора уже. Время позднее, а если мы торопиться решили, то завтра пораньше вставать надо, и днем привалы сократить до малости.

Путники споро приготовили в снежной яме логово из лапника и шкур, улеглись, тесно прижавшись друг к другу, укрылись плащами. Вскоре Шык и Зугур уснули, а Луне все не спалось. Мерещились какие-то видения, проплывали чередой лица виденных в Лысой горе людей, то и дело являлся отец, молчаливый и кроткий, как всегда. Потом Луня представил себе Межзвездную Бездну, огромную, бескрайнюю, черную и холодную. Представил, как летит в ней Небесная Гора, приближаясь к Земле, и еще представил, как рассыпается она вдруг в прах, исчезает, сохраняя людям жизнь. Эх, кабы можно было ее вот так легко, одной мечтой развеять, на сколько проще все бы оказалось!

С тем и уснул Луня.

* * *

Утром путники проснулись под толстым слоем снега – оказалось, что после полуночи начался снегопад, заваливший все вокруг свежим пушистым снежком. По такому быстро бежать трудно – лыжины проваливаются, а в мех на их нижней стороне набиваются снежинки и мешают идти.

Быстро перекусили, увязали мешки, Шык достал Чертеж и прикинул, сколько им еще идти до земель чуждей. Выходило – всего ничего, день-два, не больше. Путники встали на лызунки и гуськом двинулись на полуночь и закат, а по правую руку от них, еще не видимое за заснеженными деревьями, вставало в морозной дымке багровое неяркое солнце.

* * *

На брошенное чудское селение, заваленное снегом по самые крыши, маленький отряд напоролся к середине следующего дня. Два десятка корой крытых избушек, выстроенных на огромных пнях, пара балаганов, изгородь вкруг – вот и все городище. И ни следа, ни зарубки – нет людей, ушли, давно и навсегда, судя по тому, что все, что можно было унести, с собой забрали.

– Вот так так! – удивленно протянул Зугур, сгибаясь в три погибели и заглядывая в крайнюю избу: – Одни стены! Кто ж их спугнул, сынов заячих? Уж мест-то – глуше не придумаешь, леса кругом чащобные, пеший еле-еле пройдет, а уж конному и вовсе не пролезть.

– А летом тут еще и болотина везде! – кивнул Шык: – Тут чудей точно никто не достал бы. Что ж за напасть, хотел бы я знать? Ладно, дальше побежим – больше узнаем. Нам, пожалуй, и все равно, встретим мы тех чудей, нет ли...

– В тепле-то хорошо бы переночивать хоть разок, а, дяденька? – Луня зябко повел плечами: – Да и припас, что из дома прихватили, к концу подходит.

– Лунька, тебе пожрать бы только! – хохотнул Зугур: – По мне так: чем меньше мы кого на пути нашем встретим, тем лучше!

Тут уж против сказать было нечего, и Луня, сердито сопя, первым двинулся дальше, бороздя лыжинами снежную гладь.

Лес мало по-малу менялся. Совсем исчезли родные дубы, стало меньше липы и березы, зато появился густой подлесок из ольхи, тальника, вербы. «По болотам идем!», – смекнул Луня. Шык говорил, что земли чудей вдоль всего морского побережья болотистые и мокрые, летом гнуса полно, а от гнилой воды поднимается дурной дух, что вызывает болезни души и тела. Еще водится в болотах прорва всяческой нечисти, и ночью по чуждским лесам лучше даже отрядно не ходить – добром не кончится. Хорошо, хоть зимой промерзают топи, и нет ни гнуса, ни тварей окоянных – спят под корягами да в омутах, злобу копят.

На следующий день путники свернули к закату – Шык вел их к Соленой воде, чтобы не упереться в скалистые отроги Ледяного хребта, до которого было уже рукой подать, не больше пяти дней пути. По Чертежу выходило, что не сегодня-завтра путники должны были выйти к реке Буре...

Река открылась внезапно – едва трое походников проскочили небольшую, лесистую ложбинку и поднялись на косогор, как в глаза им брызнул яркий солнечный свет, а внизу открылось огромное заснеженное пространство, широкое и ровное. На той стороне, за широкой снежной луговиной, темнел лес. А прямо внизу, на покрытом снегом льду реки, они увидели перевернутые санки и несколько человеческих тел.

– Оружие вынайте, други! – посуровев, велел Зугур, который по прежнему считался в маленьком отряде главным по войским делам. Луня принялся отвязывать от поняги меч, Шык вытащил из своего мешка короткий арский меч, который он взял по просьбе Зугура – волхв не любил металла, справедливо считал, что его оружие – знание. Сам Зугур оружился знатно. Помимо меча, кинжала, топорика для метания, лука со стрелами, вагас прихватил еще громадную двулезвийную секиру, ту самую, которой орудовал во время их похода в Зул-кадаш оставшийся в Сырых оврагах Фарн.

Ощетинившись точеной бронзой, путники скатились вниз и подъехали к лежащим на льду, припорошенным снежком телам.

То, что это чуди, Луня понял сразу, хотя никогда не видел никого из их странного племени. Невысокие, все в шкурах и травяных плетеных коробах на меху вместо шапок, бороды заплетены в косы, лица скуластые, глаза... А вот какие глаза у чудей, Луня увидеть не смог – у мертвецов глаза выклевали вороны.

Шык внимательно осмотрел тела, потом велел Зугур перевернуть всех и оглядел с другой стороны.

– Чудно! – заметил вагас, воткнув секиру в снег и тревожно оглядываясь: – Четверо мертвых, а крови не видать! Чем их убивали, а, Лунька? Дубинами, что ли?

Луня, по примеру Шыка, тоже присел на корточки возле одного из трупов, закрыл глаза и провел рукой над телом. Там, где должна была быть рана, рука Луни обычно чувствовала холод. Не мороз, а внутренний холод, какой бывает от мертвяцкого камня на вершине кургана даже в самый знойный день. Луня умел это делать с раннего детства, и всегда находил у животных и малюток бессловесных болезненные места.

Но сейчас Луня ничего не почуял. Словно бы чужа умер сам, от старости умер, или... Или чары его сразили, недобрые чары!

– Дяденька, чарами их, да? – выпрямившись, спросил он у волхва. Шык покачал головой:

– Нет, ничего такого. Тут все проще – и хуже... Прячь секиру, Зугур, она пока ни к чему. Мор это. Потому и селение покинутое нам встретилось. От мора бежали чуди, думали, что он в селении останется, а они уйдут. Но от мора так не уйдешь, не спрячешься. Все, други, пошли отсюда, а то как бы и к нам мор не прицепился! По реке пойдем, так быстрее будет. У Соленой воды свернем на полуночь – и прямо на Ледяной хребет выйдем. Так оно дольше, но надежнее. А раз надежнее, значит – быстрее...

* * *

Два дня, без роздыху, мчались они по ледяной броне огромной реки на закат, два утра солнце вставало у них за спиной, и два вечера садилось перед глазами. На третий день берега разошлись в разные стороны, лес, что рос на них, начал редеть, а впереди почуялся бескрайний простор. Море, Соленая вода, один из Краев Земли, по поверьям родов. Луня теперь знал, что это не так. Нет у Земли края, ибо кругла она, кругла, как мяч для килы-игры...

Свернув к полуночи, вновь вступили походники под лесную сень. Тут, недалеко от морского побережья, росли сосны, одни лишь огромные, в несколько обхватов, медноствольные сосны, чьи вершины, как казалось Луне, подпирали небеса, как столбы в хижинах хуров подпирают крышу.

На лызунках бежать по такому лесу – одно удовольствие, подлеска, поросли молодой совсем нет, ничего не мешает, а вот с топливом для костра тяжело – стволы у сосен внизу голые, сучьев, что сверху падали, под толстым слоем снега не видать, а рубить треххватный ствол походным топориком целую седмицу придется, какое уж тут к лешье торопление!

Но, хвала богам, и мороз спал, да так, что днем на солнце таяли сугробы, а с древесных веток свисали сосульки и веселая капель звенела, радуя душу.

– Не уж-то весна уже пришла, дяденька? – спросил как-то на привале Луня у волхва, удивляясь теплу: – Ведь мы вона сколько на север пробежали, третья седмица пошла. Сейчас и дома-то у нас зима еще стоит, только-только ведь свитун-месяц начался!

– Какая уж тут весна! – махнул рукой Шык, внимательно приглядываясь к небесам и принюхиваясь к сыроватому воздуху: – Да и на оттепель не похоже. Чудно как-то. Уж не чародейство ли какое, а, други?

– Чародейство, не чародейство, а по мне так – коли тепло, так и нам в помощь, стало быть, радоваться надо! – Зугур усмехнулся, закончил точить лезвие секиры, попробывал пальцем, нахмурился и вновь взялся за правило – недоточил, не вывел до конца, в бою подведет оружие, и сложишь голову, а все отчего – поленился, как должно, сделать.

Луня, у которого и меч и цогский кинжал всегда были в порядке, убрел в сторонку, прислонился к желто-бурому сосновому боку, выпростал из-под шапки ухо, приник им к стволу, закрыл глаза и вслушался в жизнь могучего дерева. Не верилось Луне, что не весна пришла, надоел уже мороз, надоели метели. Слушал ученик волхва, не проснулся ли сок в сосне, не потек ли по древесным жилам, пробуждая дерево от спячки. Конечно, кому не попадя такого не услышать, но Луня недаром волхвовству учиться, умел кое-что.

Слушал он, слушал, вникал, обостряя слух, распуская все ниточки свои чуешные, силился – и услышал. Но не ток крови сосновой, а другое – услышал плач далекий, не древесный, не звериный – человеческий плач. Баба плакала, недалеко, на полуночь и восход в десяти полетах стрелы. Вот такая весна...

* * *

Ее звали Вокуя и она была родом чистокровная чюдя. Похожая на затравленного зверька, грязная и замурзанная, в плоховыделанных, кислопахнущих шкурах, с колтунами в спутанных волосах, она не ела, не мылась, и не спала уже две седмицы. Все родичи Вокуи ушли в лучший мир – так она сама сказал Шыку, единственному из троих путников, с кем стала разговаривать.

– Видать, мор унес всех ее родных. Не пойму, как она-то убереглась? – угрюмо проговорил волхв, когда напоенная отваром из ягод и шариков мурцы чюдя уснула у костра.

Нашли ее быстро. Едва Луня услышал плач, он тут же бросился за волхвом и Зугуром. Путники, идя на звук, вышли в конце концов к большой поляне, посреди которой, на высокой, раздваивающейся в трех человеческих ростах от земли сосне, сидела и горько рыдала худая простоволосая девчушка. А вокруг соснового ствола стояли и сидели, высунув из пастей розовые парящие языки, волки, крупные, почти черные в сумерках. Зугур вскинул было лук, но Шык удержал его. Вынув из колдовской котомки серый камень на кожаном шнуре, амулет Хорса, волхв метнул его в жоака, и волк, вначале ощерившись, вдруг коротко взвыл, и повинуясь его приказу, волки один за другим скрылись меж сосновых стволов, и пропали во мраке надвигающейся ночи.

Путникам пришлось повозиться, снимая найденыша с дерева. Когда опасность миновала, девочка, взметнувшаяся до этого на спасительный ствол единым духом, теперь не могла сама слезть с него. Зугур, связав несколько кожаных ремней меж собой, закинул один конец наверх, на дерево, Шык, немного говоривший по-чудьски, велел девочке обвязать себя, а потом все трое походников ухватились за нижний конец, и потихоньку спустили Вокую вниз.

Она проснулась на рассвете, вскочила, затравленно озираясь, метнулась к мешку с остатками припасов, выхватила оттуда ломоть вяленного мяса, и с рычанием впиалась в него маленькими острыми зубками.

– Эх ты, голодень лесная! – усмехнулся проснувшийся Шык, велел Луне запалить костер, а сам подсел к жующей жесткое мясо чуде и спросил:

– Э-э... Скажи, Вокуя, откуда пришла смерть, что увела твоих родичей в иной мир?

Девочка замерла, не выпуская мяса изо рта, в ее глазах плеснул ужас, страх воспоминания, она задрожала, но волхв положил свою морщинистую руку на ее грязный лоб, прошептал тихо нужные слова, и Вокуя успокоилась. Давясь полупрожеванным мясом, девочка начала говорить, а Шык переводил присевшим рядом Луне и Зугуру:

– В их селении было немного домов, и в них жили только люди ее крови. Была ночь. Она вышла из дому, поздно, когда все ее родные уже спали. Она пошла... В амбар, что ли? В дом, где хранились колоды с медом, одним словом. А-а-а! Она тайком медком полакомиться захотела, вот чего! Так, дальше... В селение вошел старик. Что за старик?

Шык удивленно посмотрел на чудию и повторил свой вопрос на ее языке. Вокуя вздрогнула, но справилась с собой и продолжила говорить, а следом за ней зазвучал и голос Шыка:

– Черный старик, в лохмотьях и босой. Он вышел из леса и пошел по селению. Он подходил к дверям и нюхал... Как лис, нюхал. Понятно, выводывал, стало быть. Дальше: старик обошел все избы, а Вокуя сидела в медовом сарае и все видела. И вот старик пошел к сараю, но вдруг учуял мед и остановился... Испугался, во как! И побежал назад, босиком по снегу! А потом он подбежал к одной избе и... И дунул в дверь. А после дунул в другую дверь, в третью. Так он обошел все избы, и подул во все двери. А потом взошла Луна и старик... Старик полетел! Нет, он стал... вразуми меня Влес, кем же он стал... Птахой ночной, или вроде того, и улетел. Вот оно что! Потом Вокуя тихонько вернулась домой, никому ничего не

сказала, легла спать, и спокойно спала всю ночь. А утром... О, боги! Утром все умерли! И в ее избе, и в других, во всех, на которые дул тот старик. Умерли люди, и козы, и ручные зайцы, и хорьки, что жили в избах. Понятно... И тогда она убежала из селения, и две седмицы бродила по лесам, пока стая волков не загнала ее на ту сосну, с которой мы ее сняли. Вот так все было, други!

Вокуя замолчала, дожевала мяса, взяла из рук Луни миску с согревшимся на костре отваром, робко улыбнулась и начала пить мелкими глотками обжигающее варево.

– Что за старик это был, ты понял, Шык? – спросил Зугур, подбросив веток в костер. Волхв покивал:

– Понял... Это Кошь, Черная Смерть, Моровой Дух, Людская Погибель... Хуже напасти и придумать трудно. Стареется Владыка, разорви молния его печенку!

Вокуя, напившись отвара, укуталась в меховой плащ и тут же уснула – она была еще очень слаба. Трое походников отсели подальше от спящей, чтобы не мешать ей разговорами, хотя изможденную чудю вряд ли пробудил бы сейчас и грянувший над ее головой гром.

– Что делать будем, други? – спросил Шык, оглядывая лица своих спутников.

– С собой ее брать – так мы до Обура только к середине лета дойдем! – рубанул рукой Зугур, потом помолчал и вдруг добавил: – Но и оставлять ее тут тоже нельзя. Пропадет...

Луня поежился – одной, в здешних полуночных краях, когда до тепла еще полторы луны почти что – точно пропадет девчонка, он ж ни избу себе поставить не сможет, ни пропитание отыскать, да и нет у нее ничего с собой... Выход один.

– Придется с собой ее вести. – выдавил из себя Луня: – Если кинем мы ее, получится, что мы ничуть не лучше, чем Кошь этот...

Шык покивал головой, мол, так, так, все так, согласен, а вслух сказал:

– Оставить – пропадет. С собой брать – мы пропадем, а с нами и все дело наше. Словно испытывает нас кто-то! Были б лызунки лишние – и толковать было б не о чем.

– Опять «бы» мешает, волхв! – усмехнулся Зугур.

Так и не решили походники, как быть. Зугур с Луней, пользуясь свободным временем, отправились на охоту, Шык взялся за приготовление восстанавливающего силы зелья – будут они брать Вокую с собой или нет, а подлечиться девке все одно надо.

Охота удалась на славу. Здешние безлюдные места изобиловали зверьем и дичью, и охотникам не составило особого труда набить из луков десятков куропаток, потом Зугур подстрелил зайца, а когда ранние сумерки запозли в лес, и меж сугробами залегли густо-синие тени, Луня набрел на следы матерого сохатого.

Гнать зимой лося по сугробам для человека – пустая трата времени и сил, но это если в катанках человек. А если на катанки сверху одеты лызунки – лося не спастись. Могуч он, внутри словно очаг горит, никакой мороз ему не страшен. Как пойдет голенастыми своими ногами по сугробам вымахивать – поди догони, но человек хитрее. Там, где сил у него не хватает, там, где вязнет он в рыхлом снегу, встает человек на деревянные полозья, и скользит поверх сугробов, настигая добычу.

Были б у Зугура с Луней рогатины, они б лося быстро добыли, но, как говорил вагас: «...»бы» мешает...». Таскать с собой тяжелые зверовые копыя в походе не станешь, вот и пришлось носиться по сугробам, стрелы метать в хрипящего лосяру, пока не обескровел он, не остановился в небольшом распадке, а тут уж в ход пошла Зугурова секира.

Мясо выволакивали к стоянке в два захода, соорудив санки-катанки. У сохатого одна задняя нога весила, как весь Луня, попробуй утащи такого!

Шык недовольно нахмурился, увидав, какую добычу приволокли запоздавшие охотники, но Зугур только кивнул на по-прежнему спящую Вокую – мол, ей припас сделаем.

– Значит, оставить ты ее решил, Зугур... – негромко то ли спросил, то ли подтвердил для себя волхв, и достав из-за катанки нож, принялся резать лосину на длинные ломти – коптить впрок.

Вокуя проснулась к полуночи. Путники уже наладили коптильный костерок в сторонке, шкура сохатого на жердинах морозилась возле ближайшей сосны, а в котелке варились язык, печень и сердце, самое охотничье лакомство.

Чудя села, потянулась к еде, Луня подсунул ей зажаренную на колу, пока суть да дело, куропатку. Девочка обглодала птицу, словно кошка – быстро и оставив лишь крупные кости. Насытившись, она вытерла жирные пальцы о волосы, уселась поудобнее и вдруг запела, глядя в костер, что-то на своем, протяжном и непонятном, языке.

– Чего поет-то она? – поинтересовался Зугур у волхва. Тот начал переводить:

– «... Черный старик убил всех родных. Пусть налимь съедят его глаза!

Только Вокуя, серая белка, осталась жива. Слава желтому меду! Вокуя ходила по лесу, искала смерть. Но боги захотели другого! Три непростых человека спасли Вокую. Слава Великой Матери, что послала их!

Вокуя ест много вкусной еды. Пусть так будет всегда, все время!

Вокуя – последняя из своего рода. Слава огню в очаге ее нового дома!

Вокуя будет жить в этом лесу. Пусть он всегда будет светлым!

Вокуя теперь – ТУТАРЛ-ЯГ. Слава новой жизни!...»

Чудя умолкла, с торжеством обвела путников своими маленькими, серыми глазками, и снова взялась за еду. Зугур воззрился на Шыка:

– Ну и про что эта песня? И что такое – ...«Тутряг», кажется?

Волхв покачал головой:

– Точно не знаю. «Яг» – это лес, а «Тутарл» – вроде девочка. Я только одно понял – она собирается остаться жить здесь, построить новый дом, но вразуми меня Влес, как она это сделает?

– А может, она думает, что мы ей поможем? Это ж семидицу с лихом топорами махать. Спроси ее, дяденька! – сказал Луня. Шык пожал плечами и обратился к уплетавшей вторую куропатку за обе щеки чуде:

– Вокуя, как ты построишь дом?

Не переставая есть, та ответила:

– У Вокуи есть САККАТТ ее рода. Вокуя не хотела жить, но боги послали вас в помощь Вокуи. Теперь Вокуя станет Тутарл-яг, и будет жить у Соленой воды. Вокуя будет ждать своего...

Волхв замешкался с переводом, переспросил, потом кивнул:

– Понятно. Суженного своего она будет ждать. А что такое Саккатт?

Вместо ответа девочка сунула руку за пазуху и вытащила небольшой мешочек из шкур. Отложив в сторонку недоеденную куропачью ножку, она развязала тесемку и начала доставать из мешочка и раскладывать на бревнышке какие-то предметы, попутно объясняя:

– Это дом-Саккатт, это – лодка-Саккатт, это – грибы-Саккатт, это – лук-Саккатт...

Луня с удивлением разглядывал сокровища маленькой чуди. Дом – берестяная маленькая коробочка. Лодка – кусочек сосновой коры с воткнутой в нее палочкой, грибы – ну, сушеные грибы и есть, лук – просто травинки какие-то.

Шык, внимательно следивший за Вокуей, кивнул девочке, понял, мол, потом обернулся к своим спутникам:

– Это чудские родовые амулеты, что ли. Что они, и зачем – не знаю, но чары в них есть, я чувую. Древние чары, лесные, земляные, болотные...

Луня тоже чувствовал исходящее от немудреных поделок чуди чародейское дыхание – словно живые угольки из костра разложила Вокуя на бревне. Один Зугур презрительно скривился:

– Игрушки девичьи! Может, она умом повредилась?

Шык задумчиво покачал головой:

– Нет, Зугур, тут хитрее. Вишь, она помирать собиралась, а как спасли мы ее, воспряла. А эти игрушки, как ты их называешь – не простые они, ох как непростые!

Вокуя, меж тем, тщательно доглодав куропачью ножку, бросила косточку в костер, снова вытерла пальцы о волосы и обратилась к Луне, указывая рукой на разложенные предметы и улыбаясь.

– Луня, она отблагодарить тебя хочет за спасение. – перевел Шык: – Предлагает тебе выбрать что-нибудь, только дом просит не брать, без него ей трудно придется. Давай, не обижай девку!

Луня встал, поклонился чуде и взял с бревна сосновую щепочку – лодку-Саккатт. Вокуя расцвела, быстренько убрала остальные чародейные вещи в мешочек, и залопотала что-то, быстро-быстро, постреливая замаслившимися после сытной еды глазками. Шык усмехнулся:

– Видать, правда, что у чудей всем бабы заправляют! Она говорит, что благодарна нам, что больше мы ей не нужны, она и сама справится, но мы сильные и умелые, и поэтому добудем себе еще мяса, а это она просит оставить ей! Во как! Чуть оклемалась, – а уже хозяйствует!

Зугур с Луней посмеялись, но потом согласно кивнули – все равно такую прорву лосятин с собой не уволочь.

Зарядив коптильный костерок на всю ночь, путники стали ложиться – завтра с ранья надо было выходить и бежать на лызунках весь день что есть мочи, нагонять упущенное время.

Ночь прошла спокойно, а утром, едва продрав в зимней тьме глаза, путники пораженно уставились на невесть откуда взявшийся посреди поляны чудский дом на пне. Все чин чинарем – и стены, и крыша, и даже очаг, судя по сизому дымку, выбивавшемуся из-под стрех, в этом доме имелся.

– Вот тебе и Саккатт! Вот тебе и чудя-замарашка! – подытожил Шык всеобщее изумление. А Луня сунул руку за пазуху и потрогал подаренную Вокуей щепочку – ценная вещь, беречь надо!

Вокуя проводила походников до той самой сосны, стоя возле которой, Луня услышал ее плач две ночи назад. На прощание девочка поклонилась всем троекратно, прошебетала что-то на своем странном языке, и проворно повернувшись, убежала к своему новому жилищу.

– Она сказала: чтобы Саккатт стал... м-м-м, взрослым, что ли, надо подуть на него и сказать: «Этык-кык, эча – унна!». – перевел Шык.

– А что значат эти слова? – поинтересовался дотошный Луня.

– Что-то вроде: «Раз-два, было мало – станет много!». – ответил Шык, проверил крепления лызин и первым двинулся по снежной целине.

– Да, мужики, с вами не соскучишься! – усмехнулся Зугур: – Как в сказке живем!

– Поменьше бы их, этих сказок, и жить было бы поспокойнее! – донесся из ложбины голос волхва: – Давайте, догоняйте, телепни!

* * *

Прошло несколько дней, как путники покинули полянку посреди соснового леса, оставив Вокую в ее новом, чародейством созданном за одну ночь доме. Путь их лежал теперь строго на полночь, и Ледяной хребет мало по малу начал приближаться. Это чувствовалось и по возникающим то и дело цепям лесистых холмов, и по студеному дыханию ледников, да и сам лес изменился – исчезли сосны, их место заняли угрюмые, навевающие тоску голые лиственницы. Буреломы, то там, то сям торчащие из снега черные скалы, глубокие овраги-распадки с промороженными речушками, одно слово – Полночный край, царство ветров и морозов, владения Коледа.

От оттепели, принятой Луней за раннюю весну, не осталось и воспоминаний. Жгучий, пронизывающий, ледяной ветер вышибал слезы, на стоянках теперь приходилось жечь костры всю ночь, чтобы хоть как-то согреться, не отдать Коледу душу. Так прошла одна седмица, за ней потянулась другая...

Как-то вечером, после сытного ужина из мяса убитого Луней накануне днем оленя – не смотря на холод, здешние места были богаты на зверье, Шык развернул Чертеж Земель и поманил к себе Зугура и Луню:

– Мы сейчас где-то вот тут. Скоро Ледяной хребте покажется. Если все ладно пойдет, к концу свистуна в Северу выйдем. Главное – на влотов не напороться и громов минуть. Тогда все, как замыслили, будет, и обманем мы время, на Обур к концу березозола выйдем! Там еще снега по пояс будут лежать, словом, не так все случится, как душе моей Алконост показывал.

Зугур скользнул взглядом по Чертежу вниз, к Великой Степи, вздохнул, помрачнел. Луня понял – вагас за свой народ переживает – как там они, может, уже и нет никого в живых, может, осталась от некогда многочисленного племени лишь название да память?

Луня вслед за Зугуром тоже вздохнул, переведя свой взгляд на родские леса. А там сейчас что? Ну, собрал Бор рати других родов, к походу против аров готовится. Да ведь только не одолеть их сейчас. И хуры, и корья, и даже роды некоторые за них, и другие народы, небось. А самое главное – Владыка Триждыпроклятый, Людской Изводитель. С таким ни мечом, ни луком не совладаешь, да и чарами обычными, людскими – тожь. Ары радуются, совсем им Карающий огонь разум затмил, грады строят, первый, Ар-ка-аим этот, возвели уже, небось. Любо, тварь поганая, все три руки свои над Землями Хода простер... Добыть бы Могуч-Камень – и разом покончить с Владыкой и богами, что ему служат. Вот тогда-то и с арами потягаться можно, отмстить за спаленные городища, за смерть соплеменников Зугура, за родичей своих. Только вот когда это будет, да и будет ли вообще...

И снова душу Луни обожгло – Руна! Тут и слов говорить не надо, все давно говорено-переговорено, думано-передумано. Только б жива была, только б цела, а там – как Судьбина распорядится.

Все легли спать с тяжелыми мыслями, и несколько следующих дней кручинились, отягощенные невеселыми думами. Но дорожные тяготы брали свое, и постепенно тревожные мысли отступали, уступая место новым – из-за серой мешанины тонких лиственничных ветвей навстречу путникам вставали сверкающие вершины Ледяного хребта.

Глава третья Влесовы Стрелы

Ледяной хребет не зря имел такое прозвание. На две с лишком луны пути протянулся он с заката на восход, от Соленой воды до полуночных отрогов Серединного, и все пики его, величественные и завораживающие своей красотой взоры людские, были покрыты голубым, сверкающим неземно горным льдом.

По широким долинам сползали ледники вниз, тащили с собой отколотые наверху скалы, окатывали их по дороге, обдирали острые грани, но у подножия гор теряли свою холодную силу, таяли, превращаясь в ревущие горные потоки, в ручьи, реки и речищи. А приволоченные ледниками камни оставались, превращаясь со временем в целые гряды скал, в непроходимые завалы, в каменные буреломы.

Такие каменные буреломы загораживали подходы ко всем вершинам Ледяного, и самый крайний, закатный пик хребта не был исключением. Шык, Луня и Зугур подошли к нему в середине свистуна, когда даже в здешних северных краях днем уже заметно припекал светлоокий Яр, и черные лбы валунов нагревались, словно печные бока.

Крайняя вершина Ледяного, не больно-то и высокая по сравнению с другими, походила чем-то на мурашовую кучу, и Луня с ходу так и нарек гору – «Мурашник». По Чертежу Шыка выходило, что надо просто обойти ее с заката, и походники окажутся в Севере, заповедной полночной земле, а там уж можно не опасаться никаких аров, хуров и прочих людских врагов.

Обойти гору – легче сказать, чем сделать. На пути путников встали каменные завалы.

* * *

Время уходило, таяло, словно медвежий жир на дне котелка, и каждый из троих походников остро чувствовал это. Чувствовал, но ничего не мог поделать – за день в здешнем каменном хаосе удавалось пройти в лучшем случае треть того, что обычно человек может пройти по ровной земле.

И ведь не обойдешь никак скалы – слева обрывистые берега Соленой воды, в пять сотен локтей пропасти иной раз попадают! А внизу – месиво из льда и вечно ярящийся зеленовато-черной воды, что бьет и бьет о скалы с тупым упорством, и брызги, попавшие на камни, тут же замерзают, покрывая все вокруг ледяной блестящей коркой.

Справа высится Мурашник, весь льдом облитый, бело-голубой и блестящий, словно сахаровая голова. Туда лезть – лучше сразу на меч кинуться, не по силам человеческим такую горищу одолеть, верная смерть. Вот и остается только одно – карабкаться по каменному бурелому, тащить с собой мешки, лызунки, оружие и дрова для костра, потому как среди камней ничего, кроме самих камней, не растет...

На третью ночь пути в обход Мурашника путникам повезло – они нашли для ночлега более-менее ровную проплешину среди хаоса скал и камней, и что самое удачное – посреди проплешины росла невесть каким ветром занесенная сюда корявая лиственница, вся перебитая, скрюченная, но для костра подходящая, как нельзя лучше.

Солнце в полуночных землях садилось рано, а вставало поздно. Оно и днем над землей поднималось на две ладони всего, освещало горы, камни, и тут же укатывалось за ровную линию дальних морских льдов. Луне вообще стало казаться, что их путь пролегает ныне по зачарованным местам, где все не так, как везде, а дальше будет еще чуднее и непонятнее.

Срубив лиственницу, путники развели большой костер, вознаграждая себя теплом за предыдущие холодные ночевки. Зугур еще днем умудрился подстрелить меж черных валунов какого-то горного козла с витыми, шишковатыми рогами. Вдвоем с Луней ободрав шкуру, вагас вырезал самые мягкие куски мяса со спины и задних ног, и вместе с сердцем сунул в котел, но похлебка, судя по всему, выходила тошнотная – хоть козел и был горным, но мясо его воняло еще хуже, чем у его домашнего родича.

– Э-эх, пропал ужин! Рагаз шур! – Зугур выругался по-вагаски, сплюнул в сторону от костра, отложил черпак, из которого пробовал варево, и обернулся к неподвижно сидящему в стороне волхву: – Шык, как думаешь, есть тут, в камнях этих, зверье какое? Припас у нас весь вышел, что жрать-то будем?

Волхв негромко ответил:

– Надо быстрее обойти гору. В Севере бродят огромные стада оленей, тундровых быков, встречаются разные диковенные звери, много птицы. Там у нас будет пища...

И замолк, вновь уставившись куда-то в темноту. Волхв в последние дни, после встречи с Вокуей, вообще стал молчаливым и замкнутым, на стоянках часто уходил в сторонку и сидел в темноте, один, шептал какие-то заговоры, поминал богов, пару раз пробывал возвать к Хорсу, но Волчий Пастух не откликался, видать, был занят...

Зугур, недовольный ответом волхва, недовольный тремя последними днями похода, а пуще всего недовольный, тем, что вонючее мясо убитого им козла есть оказалось нельзя, вскочил, и в бешенстве вращая глазами, схватил здоровенный булыжник, намереваясь швырнуть его куда подальше.

Занес над головой – да так и замер! В ночной тишине, нарушаемой лишь потрескиванием лиственных сучьев в костре, отчетливо раздался низкий, утробный то ли вой, то ли призыв:

– О-о-у-у! У-у-у-о-у!

Луня, сплетавший в запас еще одну тетиву для лука, взамен той, что оставил Вокуе, вскочил, глянул на Шыка, спросил, заикаясь от страха:

– Чегой-то, дяденька?! Кто кричал-то, а? Аж мурашки поползли...

Сотворив охранный знак от дрогов, и озираясь, Луня попятился от костра, и пятился так, пока не прижался спиной к валуну. Волхв шагнул к костру, быстро перевернул котел, залив недоваренной, вонючей похлебкой пламя. Зашипело, ударил пар, и сразу стало темно. Луня заметил, как Зугур, тихо опустив камень, принялся разматывать, освобождать от тряпок и мехов свою секиру.

– Это влоты кричали! – шепотом сказал Шык, присев на корточки и напряженно вслушиваясь в наступившую тишину.

– Влоты? – так же шепотом переспросил Зугур: – А чего они разорались-то, твари? И не спится им, поганцам!

– Влоты на охоту вышли. Они найдут нас, учуют, по вони козлячей. Биться придется, други! – Шык потянул к себе колдовскую котомку, сунул руку внутрь.

– Луня, спиной ко мне прижмись! – скомандовал Зугур: – Шык, волховать будешь?

– Буду, коль получится! – прошипел в ответ тот: – А вы никшните и чуйте – влоты сами воняют зело поганю, но ходят тихо. Мы их по запаху узнаем. И не отходите друг от друга, а то растащат вас и замнут по одиночке! Я в сторонке буду, выжидать. Держитесь, крепко стойте! Ну, помощи нам всем тресветлые боги...

Наступила зловещая тишина. Луня, пристукивая через раз зубами, то ли от холода, то ли от страха, тоскливо озираясь, приняюхиваясь, но кроме козлячей вони и посвистывания знобкого ветерка меж камней ничего не слышал и не чуял. Зугур за его спиной нервно переминался с ноги на ногу, перехватывал секиру, готовился, распаляя себя, к предстоящему бою.

Неожиданно совсем рядом, буквально за соседним валуном, оглушительно грянуло:

– О-о-у!!!

– Ну, мать вашу сыгыргын! – заорал не выдержавший Зугур, со свистом рассекая воздух секирой.

– Не ори зазря, сейчас начнется! – крикнул откуда-то сбоку волхв, и загремел амулетами, забормотал чародейские слова.

Влоты набросились внезапно, с трех сторон, и было их не меньше десятка, так по крайней мере показалось в темноте Луне. Острая вонь, как от никогда не мытого человеческого тела, удушливо-тошнотной волной накрыло все вокруг, и громадные, мохнатые тела, с неразличимыми в темноте ликами, засновали вокруг, заворчали, завывали, и на ошестинившихся бронзой путников обрушился град ударов.

Влоты орудовали суковатыми дубинами, и первые же удары, чудовищной силы, выбили из рук Луни и меч, и цогский кинжал.

– А-а-а, пропадаю! Зугур, Шык! – Луня заорал не своим голосом, упал на землю, на истоптанный снег, зашарил в темноте руками в поисках оружия, нашел рукоять меча, потянул его к себе, начал подниматься...

– Н-на, шкура мохнатая! – раздался в темноте над его головой боевой рык Зугура. И сразу же – дикий вой влота, и тяжелый звук упавшего тела – вагас сразил первого врага!

Луня, изловчившись, снизу ткнул в прыгнувшую на него темную тушу, ощутил противное трепетание меча, входящего в живую плоть, отпрыгнул назад, выдергивая оружие, и тут над всей каменистой полянкой полыхнуло зеленым, чародейским огнем, послышались крики и рычание влотов, затрещал огонь, пожирая их мохнатые тела – то Шык наконец-то закончил плести свои чары и ударил по напавшим небесной пёркой-молнией.

Оглядевшись в короткий светлый миг, Луня заметил страшные, и в дурном сне не увидишь таких, личины влотов, налитые кровью маленькие глазки, мохнатые, черные морды, оскалившиеся пасти. Влоты вопили все разом, двое или трое из них полыхали живыми факелами, бестолково носясь меж скал и разбрызгивая вокруг себя зеленые искры. Остальные смешались, сбились в кучу, но вот чародейный огонь померк, в темноте вновь прозвучал боевой клич влотов, вырвавшийся сразу из нескольких мохнатых глоток:

– О-о-о-у!!!

И жители Ледяного хребта вновь бросились на походников. Луня присел, отчаянно вертя мечом, чудом увернулся от просвистевшей рядом с ним дубины, зацепил самым кончиком меча еще одного влота, шарахнулся назад, прижался к Зугуровой спине, и вдруг ноги его оторвались от земли, все завертелось перед глазами, зазвенел отлетевший в сторону меч, с головы свалилась меховая шапка, и Луня ощутил, как могучие мохнатые лапы прижали его, перевернутого кверху ногами, к чему-то мягкому, толстому и шерстяному.

Он еще успел смутно увидеть неясную в темноте фигуру Зугура, различил блеск лезвий его секиры, а потом ветер засвистел в ушах, Луня почувствовал, что его куда-то понесли, потащили с бешеной скоростью, и тут голова ученика волхва с маху ударилась о каменный выступ, брызнули во все стороны едва не настоящие искры, в глазах заплясали огненные круги, а потом все померкло, и Луня провалился в черную, бездонную пропасть...

* * *

...Чуть слышно журчала где-то вода. В темноте еле-еле различимые, проплывали мимо каменные глыбы, выступы, скалы, и пламя маленького факелка тускло отражалось на их ноздреватых, осклизлых от плесени боках.

Вода же, по которой плыла утлая, из коры сработанная лодчонка, не отражала ничего – мешал слоистый синеватый туман, поднимавшийся от поверхности подземной реки. Изредка в волнистых его космах возникали какие-то причудливые фигуры, колыхались,

тянули к сидящим в лодке людям бесплотные руки, и тут же растворялись без следа, исчезали, расплывались пятнами колдовского морока, чтобы через миг возникнуть вновь...

Тишина стояла такая, что каждый плеск короткого весла гулким эхом отдавался под низкими сводами. Никто из сидящих в лодке не произносил ни слова, но Луня понимал – это не от того, что им нечего сказать – страх, необъяснимый и всепроницающий страх сковывал путников, лишал воли, лишал способности думать и рассуждать здраво.

И вдруг в подгорной оглушающей тишине послышался тихий, едва различимый, но поразивший всех, словно удар грома, скрип. Глыбы древнего, как мир, ноздреватого камня зашевелились, задрожали, заволновалась вечно спокойная черная вода, лодка колыхнулась раз, другой, и тут прямо в глаза оцепеневших от ужаса людей глянули из мрака два огромных, вытянутых багряных зрака...

* * *

Луня очнулся резко, словно бы и не был в беспамятстве, а просто прикрыл на время глаза, и вот теперь открыл их, чтобы оглядеться. Но оглядеться не удалось – все лицо ученика волхва было покрыто коркой запекшейся крови, и слипшиеся ресницы едва позволили ему увидеть тусклый дневной свет, идущий откуда-то сверху.

Луня попробовал пошевелить рукой, но все тело тут же отозвалось вспышками резкой боли, невыносимо заломило в висках, боль прошла живот, спину, раскаленными крючьями вцепилась в грудь, не давая вдохнуть затхлого, холодного и вонючего воздуха.

Кое-как, по пяди двигая левой, менее всего болящей рукой, Луня дотащил ее до лица, ногтями ободрал с глаз засохшую кровь и наконец-то увидел, где он.

Это была глубокая и узкая расщелина между скал. Вверху виднелся рваный клочек тусклого серого рассветного неба, вокруг высились черные каменные стены, неровные и поросшие серым лишайником. Луня лежал на спине, на самом дне расщелины, а вокруг него валялись обглоданные кости, обрывки звериных шкур, палки, камни, и еще какой-то смерзшийся мусор, источавший ужасное зловоние, и даже мороз не мог сковать эти запахи, а наоборот, изредка залетающий в расщелину ветерок лишь подчеркивал, на сколько свежий знобкий воздух чище и приятнее для дыхания, чем та вонь, которая окружала Луню.

Медленно, очень медленно Луня ощупал себя. Оружия нет, вся одежда изодрана в клочья, катанки с ног исчезли, а сами ноги покрыты ужасными ранами, да и все тело в синяках и шишках, глубоких царапинах и укусах. Жутко болит правая рука, хребет между лопаток, лоб рассечен, губы разбиты, и походят на праздничные блинчики, что бекут родские хозяйки. Два ребра справа сломаны, но остальные кости вроде бы целы, а это уже хорошо.

Сцепив зубы, чтобы сдерживать стон, Луня медленно и с великим трудом повернулся на левый бок, приподнялся на локте, повернул голову сперва в одну, потом в другую сторону.

Так, уже лучше, жив, кости целы, а мясо нарастет. Кто ж его так? И где Шык с Зугуром? И что за подземелье и черную реку видел он во сне до того, как очнулся?

И вдруг Луню словно бы обожгло воспоминаниями: влоты! Ночной бой на каменной проплешине среди скал! И последнее, что он помнит – как могучие руки обхватили его и потащили, прижав к вонючему, мохнатому брюху. Вот оно значит как – Луня в полоне у горных великанов. И судя по всему, жить ему осталось совсем недолго – с пленниками, которыми дорожат, так не оборачиваются. Им вяжут руки и ноги, но заботятся, чтобы они были живы, здоровы, накормлены, и сидели в тепле. Луню же словно бы тащили по острым камням, ухатив за ногу или руку, пробывали на зуб, забавлялись с ним, подбрасывая и пиная бесчувственное тело, а потом кинули в каменную яму, сочтя убитым, и оставили на время... Для чего? Чтобы потом вернуться и... И съесть!

Луня вспомнил все, что Шык рассказывал про влотов, вспомнил, и ясно увидел свой недалекий конец: его съедят, им закусят, а пока он лежит в кладовой, в погребе, оставленный про запас. Бежать, бежать надо! Во что бы то ни стало – бежать! Пусть нет сил, нет оружия, пусть все болит, но лежать в этой вонючей дыре и ждать, когда оголодавшие мохнатые уроды придут за твоей живою плотью – недостойно рода!

Луня пошевелился, пытаясь встать, и невольно замычал от резанувшей по телу боли. У-у, твари проклятые, как извалакали, живого места нет! А как же остальные?! От этой мысли Луне на миг стало жарко. Где Шык, где Зугур? Неуж-то и с ними случилось то же? А может, их уже того... И вот эти обглоданные кости, что валяются вокруг на заляпаных замерзшей кровью камнях – это кости друзей-побратимов?!

Огненный шар прокатился по всему израненному Луниному телу, ослепительной вспышкой разорвался перед глазами. Кровь застучала в висках, разом отступили и боль, и страх, и болезненная одурь после беспамятства. Не быстро, но достаточно уверенно Луня поднялся на ноги, ухватившись за шершавый каменный бок, переждал накотившее головокружение, и не спеша начал подниматься по скользким, обмерзшим валунам наверх, к клочку серого неба. Все мысли, все сомнения отлетели прочь, и лишь одно билось в голове, заставляя забыть себя и идти, идти, двигаться вперед: месть, месть за убитых друзей, за побратимов, за родичей. Долг крови должен быть оплачен, и взыщет его он, Луня, ведь больше-то некому...

* * *

– Ну и чего дальше, волхв? – Зугур прислонил секиру к большому валуну, присел на корточки, сунул руки под мышки. Вечерний ветер, налетавший со стороны покрытой льдом вершины Мурашника, нес мороз, а вагас в горячке боя с влотов потерял свои подбитые мехом рукавицы и теперь его пальцы совсем окоченели.

Шык, опершись на Лунина Красный меч, промолчал, внимательно разглядывая окрестные скалы. Да и чего было отвечать? Оба они прекрасно понимали, умом понимали – не выжить Луньке, не уцелеть. Влоты безумны, охотятся они, словно звери дикие, лишь для пропитания своего. А раз так, то нет уж Луни, ведь ночь и день прошли уже с тех пор, как навалились на маленький отряд в темноте мохнатые горные великаны.

Умом-то понимали это волхв и вагас, а вот сердцем – не верили, потому и продолжали бродить по вздыбленным скалам, перебираясь с глыбы на глыбу, зорко высматривали малейшие следы, нюхали воздух и камень в надежде найти то место, куда влоты поволокли Луню. Однако все поиски были тщетны, и надежда найти молодого рода таяла с каждым мигом...

Тогда, в горячке боя, ни Шык, ни Зугур сперва не заметили, что Луня исчез. Влоты по-своему тоже хитрили – несколько великанов утащили Луню, а остальные наседали на родского волхва и вагаса, и только после того, как издали донесся зов сородичей, влоты разом прыгнули в стороны и исчезли в морозном мраке...

Утром, когда взошел светлоокий Яр, его бледные в этих местах лучи осветили разметанный костер, истоптанную землю, где снег был смешан с запекшейся кровью, и тела семерых влотов, посеченных секирой Зугура и сожженных пёрками-молониями Шыка. Одного великана сумел сразить и Луня – его меч пронзил живот врага, выпустив тому кишки.

Влоты не только похитили ученика волхва, они еще умудрились растащить все вещи путников, только чародейская котомка Шыка уцелела, заботливо припрятанная волхвом между камнями, да оружие – Красный меч, цогский кинжал и берский топорик Луни валялись неподалеку от разметанного кострища. Без еды, без теплых вещей, Зугур и Шык вряд ли смогли бы долго прожить в здешних пустынных краях, только сейчас их это мало заботило – первым делом нужно было разыскать и спасти Луню, но влоты надежно замели следы, и

целый день поисков ничего не дал – поганые мохнатые людоеды как сквозь камни провалились.

Наконец, ближе к полуночи, Шык решился на крайнее средство. Волхв велел Зугуру развести костер, вынул из своей котомки маленький нож, сделанный из чародейного железа, расстелил на плоском камне обрывок шкуры медведя, предка и покровителя рода Влеса, прокалил лезвие ножа на огне, и одним движением взрезал синюю вену на внутренней стороне запястья. Дымящаяся, черная в свете костра кровь заструилась по старческим, узловатым пальцам, потекла на обрывок шкуры, собираясь в маленькую, жутковатую лужицу.

– Предок-Влес, мохнатая спина, зоркий глаз, крепкий коготь, мудрый ум, к тебе взываю я в крайней нужде! – глухим голосом заговорил волхв, а оробевший Зугур, поблескивая глазами в темноте, подкладывал в огонь сучья, насторожено следя за происходящим.

– Кровь свою даруя тебе, о Влес, молю помочь вернуть отрока-рода, именем Луня. Кровь – к крови, помыслы – к мыслям. Не отвергай жертвы, укажи путь, о Лесной Предок! Ты мудр и справедлив, не дай пропасть детям твоим на чужбине! Прими жертву и приди на помощь, молю тебя, о Влес! Слово мое крепко и верно, ибо я, волхв Шык, говорю его! Кровь – к крови! Кровь – к крови!

Волхв замолчал, тяжело дыша, а его «влага жизни», как называл арский маг Вед кровь, все струилась и струилась из раны, залил уже весь камень, на котором лежал обрывок медвежей шкуры.

Воздух застыл, недвижим. Перестал потрескивать костерок, все звуки в мире умерли, и Зугуру показалось, что волхв даже перестал дышать. Время медленно текло мимо, молчание и тишина длились и длились, и вдруг – о чудо! Лужа крови на куске шкуры зашевелилась, словно бы живое существо, заструились по ее поверхности огненные сполохи, а потом на черной глянцево-красной глади явственно проступила горящая огненная стрела, указывающая на восход! И тут же на дальних камнях вспыхнула еще одна, а дальше ее, на невидимой во мраке скале – еще одна, и где-то вдалеке – еще, а уж самую дальнюю можно было разглядеть лишь как горящую точку во тьме северной ночи. Похоже было, будто неведомая птица пронеслась над горным склоном, и то там, то здесь чирканула огненным крылом по черным камням.

– Хвала Влесу, он услышал меня и указал путь! – прошептал Шык, зажимая рукой окровавленное запястье. Зугур кинулся к волхву, звериной жилой перетянул руку ниже локтя, пережимая вену, сунулся с тряпицей – перевязать. Шык, прикрыв глаза, остановил его, вынул из котомки пучок сухой травы, положил на порез, потом кивнул – заматывай. Когда рана была перевязана, тяжело поднялся, опираясь на Красный меч, шагнул, пошатываясь, раз, другой, замер, прислушиваясь к своим ощущениям, потом неожиданно подмигнул Зугуру:

– Ни-ичё! Дошкандыбаем! Ты в оба гляди, знак путеводный не потеряй. Торопиться нам надобно – к восходу погаснут кровавые стрелы...

Зугур поудобнее перехватил покрытую засохшей влотовой кровью секиру, подставил волхву свободную руку и шагнул вперед, целя выйти к первой из горящих Влесовых стрел.

* * *

Путь вверх дался Луне с великим трудом. Огненный шар ярости все еще жил в нем, толкал вперед, заставлял преодолевать боль, а вот избитое тело не слушалось, ноги оскальзывались на обледеневших камнях, пальцы рук разжимались, и Луня раз за разом летел вниз, на дно расщелины, а когда поднимался и вновь лез к устью, сил оставалось все меньше и меньше.

В другое время он легко одолел бы этот подъем, да чего там говорить, в подземных норах, во время похода за драгоновой смертью, приходилось взбираться по кручам повыше

и пообрыvistее этой, но тогда Луня был цел и невредим, а сейчас силы покидали молодой тело, как вода покидает треснувший ушат – не быстро, но неотвратимо.

И все же Луне удалось вылезти наверх. Когда надежда уже оставила его, когда черное отчаяние заползло в душу, когда замерзшие, заколевшие пальцы рук и ног перестали чувствовать боль от прикосновений к грубой поверхности камней, когда даже пылающая ярость в сердце чуть поугасла, откуда-то вдруг пришла холодная, страшная в своей отчетливости злоба, злоба на весь Белый Свет, на людей и нелюдей, на всех живых тварей и на богов, злоба на себя самого, непутевого и неумелого.

И Луня легко, словно за его спиной были невидимые крылья, взлетел по куче камней к потемневшему за это время небу и оказался на большой, косо уходящей в вечерний сумрак скале. Справа высилась вершина Мурашника, освещенная выкатившимся из-за восходного окоема Яровым ликом, слева, далеко, за ровным обрезом видимой земли, еще стояла ночная тьма, а вокруг лежал вздыбленный каменистый склон, и прямо к Луне неслись по нему с десяток черных исполинских фигур. Влоты!

Страх не было. Луня растратил все силы на то, что бы выбраться из своего узилища, и теперь с каким-то тупым безразличием наблюдал за приближением своей смерти. Он смотрел на свисающие почти до земли руки великанов, каждая с его туловище толщиной, смотрел на короткие, кривые и косолапые ноги, на огромные, бочкообразные тела, широченные плечи, маленькие головки с приплюснутыми носами, широкими ртами и горящими свинячими глазками. Среди приближавшихся влотов было три «влотовых бабы», как назвал их про себя Луня, и пара «ребятишек», еле-еле выучившихся ковылять самостоятельно, помогая себе руками. Но даже эти «ребёнки» были выше Луни ростом, а уж взрослый влот превышал далеко не низкорослого рода вдвое – самое малое.

Почему-то у приближавшихся великанов не было с собой огромных дубин, с которыми они нападали на стоянку походников. Да и неслись они так, словно бы сама Мара-Смерть мчалась за ними следом. Но Луня, утомленный болью и бессилием, не заметил ничего подзрительного. Он просто стоял и готовился к смерти, вызывая про себя ко всем светлым богам, дабы душа его нашла путь в иномировые небеса, где обитали все души предков родов.

– А-агай-я! – прогремело вдруг над горным склоном. Из-за возвышавшихся на полуночи скал высыпало около двух десятков людей, с оружием в руках, в меховых одеждах. Они были далековато, в утреннем сумраке не разобрать, кто такие. Луня вряд ли смог бы, если бы и захотел, но он и не пытался – слишком памятный для каждого рода боевой клич словно бичом стеганул Луню – гремы! Из огня – да в полымя...

* * *

Зугур и пошатывающийся от потери крови Шык шли по черным скалам почти всю ночь. Огненные стрелы, начертанные чародейством волхва и благодарением Влеса на холодных камнях, постепенно гасли, истончались, выцветали, словно тухнущие угли прогоревшего за ночь костра. Зугур с каждым шагом тревожился все больше и больше – указанный родским богом путь вел в самое сердце гор, петлял меж скал, и не было видно ему ни конца, ни края. А рассвет неотвратимо приближался, уже светлело небо на восходной его стороне, гасли звезды, окрашивались в малиновое редкие утренние облачка. Здесь, среди скал, еще лежал непроглядный мрак, но вагас знал – вскоре утро вступит в свои права, и огненные стрелы, указывающие им путь, безвозвратно погаснут, а с ними вместе погаснет и последняя надежда найти Луню, живого или мертвого.

Шык, судя по всему, вообще не замечал ничего вокруг. Кровопотеря, возраст, и то, что все силы свои волхв отдал чародейству, сперва в битве, а потом – вызывая к покровителю

своему Влесу, совсем доканали Шыка. Кроме того, волхв жестоко страдал от холода, и ни теплый лисий мех, ни шерстяное покрывало, ни медвежья косматая шапка не помогали ему.

Еле-еле превалив через скалистую гряду, род и вагас выбрались на пологий горный склон, покрытый крупными и мелкими камнями. Последняя из видимых еще Влесовых стрел смутно дотлевала на ближней черной каменной глыбе, все так же указуя на восход. Солнце всходило над миром, уже заблестала голубоватым огнем вершина Мурашника, и след Луни терялся, терялся навсегда. Вот бледно-розовые искры в последний раз пробежали по шершавому камню, вспыхнула, словно прощаясь, указующая стрелка, и исчезла, оставив двоих следопытов в неведении – куда дальше?

Зугур помог волхву усесться на камень, взвалил секиру на плечо и пошел оглядеть окрестности – мало ли, а вдруг Луня лежит за соседним валуном, и надо только обойти его, чтобы найти побратима!

Но такое везение бывает только в сказках. Никто не лежал за черными камнями, никто не прятался в темных, сумрачных расщелинах, ничьи следы не попятнали снежную целину на ровных участках горного склона. Все зря, все зря...

Зугур вернулся к отрешенно сидевшему, скрючившемуся Шыку, швырнул зазвеневшую секиру на камни, сел рядом:

– Все, волхв! Потеряли мы Луньку!

И замолчал, уронив голову на грудь, лишь кулаки сжимались в бессильной злобе. И тут вдруг над залитым первыми лучами солнца плоскогорьем далеко разнесся окрест боевой клич громов, грозный и протяжный. Походники вскочили, Зугур метнулся к секире, Шык, раздувая ноздри, вертел головой, высматривая кричавших, и его борода развевалась на холодном утреннем ветерке, словно бунчук.

– Вразуми меня Влес, откуда ж тут гремы? – пробормотал волхв: – Их селения в луне пути на восход лежат. Чего им тут делать?

– А может они отбили Луньку у тварей-то мохнатых, а, Шык? – Зугур с надеждой поглядел на волхва: – Может, битва там идет с влотов погаными, иначе чего орать-то так?

Шык хотел было что-то ответить, но вдруг заметил на черном склоне движущиеся фигурки влотов-нелюдей, присел, и зашипел на вагаса:

– Никшни! Падай и ползи сюда!

Зугур ящеркой скользнул меж камней, обжигая голые руки о студеные бока черных глыб, высунул голову и увидел – по равнине мчались влоты, а за ними, подчти нагоняя великанов, неслась многочисленная гремская облава, вопящая и улюлюкающая.

– Изводят погань мохнатую! – стискивая секиру, прошептал Зугур, повернулся к Шыку: – Слышь, волхв, айда поможем гремам! И за Луньку отмстим тварям нелюдским, и гремам... ну, глянемся, что ли. Все одно нам с ними дело иметь придется! Давай, волхв!

Шык чуть прикрыл глаза, замер, прислушиваясь к самому себе, прошептал:

– Ох, и устал я, Зугурушка! Прямо вся душенька из меня вон. Ладно, за Луньку отмстим поганым... Гляди в оба, и как я чары набрасывать закончу, не мешкай, не оплошай – лети вперед, как птица, и раззуди свою секиру, чтоб ни один мохнопузый не ушел!

Шык вскочил, вскинув руки, протяжно завыл, замычал неведомые никому из людских народов слова, тряхнул руками, раз, другой, третий, и изумленный Зугур увидел, как с пальцев волхва потекли вдруг желтовато-сизые нити то ли дыма чародейного, то ли тумана колдовского...

* * *

Луня, как не мучала его боль от ран, все ж заметил, что гремы гонят влотов не прямо на него, а чуть в сторону, к темнеющим в трех сотнях шагов на закат скалам. «Видать, засада

там у них, или просто гремы гонят великанов в ту сторону, на камни?», – через силу подумал Луня, пошатнулся и неловко присел на покрытый лишайниками валун.

Приблизжавшиеся гремы оглушительно вопили что-то на своем языке, и хотя Луня не понимал ни слова, временами ему казалось, что он улавливает что-то знакомое в тарабарщине чужого языка.

«Гремы, ары и роды – суть одного корня!», – вспомнил Луня слова Великого Веда. И вдруг ухо ученика волхва услышало то, чего он, Луня, ожидал услышать здесь меньше всего – чародейские запевы кик из родских лесов, запевы, лишаяющие все живое движения. Луня, преодолевая боль, вскочил, огляделся – и открыл рот от изумления!

На тех самых черных скалах, к которым гнали гремы влотову орду, возвышалась странно знакомая фигура старца в лисьей шубе, с развевающейся по ветру седой бородой. Подняв руки, волхв Шык насылал на влотов кикины чары недвижимости, и вот уже первые из мохнатых людоедов начали останавливаться, спотыкаться, застывать на месте.

– Бе-е-ей!!! – загрохотал над скалами голос Зугура, и сам вагас, размахивая сверкающей двулезвиенной секирой, выметнулся из-за большого камня и огромными прыжками бросился к застывшим влотам. Замах, свист, мельк начищенной бронзы – и мерзкий хряск разрубаемых костей и плоти. Зугур – вой, и вой зело умелый. Хотя кикины чары и могли удержать влотов в недвижки чуть только, но вагас успел свершить кровавую жатву. Ни один из великанов не ушел...

Даже гремы остановились, пораженные, и с изумлением наблюдали за этой диковенной битвой. Сверкающая секира металась меж застывших косматых тел, словно птаха в силке, но каждый взмах ее ронял одного из нелюдей, и вот еще миг назад стояли они все, а теперь не стоит не один, и лишь Зугур, утвердив окровавленное оружие меж широко расставленных ног, с полуулыбкой-полуоскалом глядит на гремов, и в позе его все – и торжество победителя, и знак того, что дальше биться он не собирается (пока!), и угроза, не без того, мол, кто тут еще на меня?!

Луня хотел крикнуть побратиму, что он тут, но из изломанного влотовыми лапами горла вышел только сип да хрип, и Зугур не заметил Луню, зато заметили гремы, и несколько рыжекосых воев, закинув на плечи свои каменные секиры, рысцой пустились к ученику волхва. «И чего делать теперь?», – с тоской подумал Луня: «А Шыка-то и не видать вовсе! Он-то мог бы прикрыть меня, чарами гремов остановить. Они, конечно, вряд ли убивать меня будут, но кто их, злодеев, знает?».

Шык же в тот миг лежал за черным камнем без сил, и напрасно Зугур так был уверен, что случись чего – и волхв поможет ему. Чародейства последней ночи выпили всю мощь из и без того не молодого тела волхва. Теперь ему нужен был отдых, сон, и добрая еда...

Глава четвертая

Черные воды Ортайга

Обошлось. Когда долго все плохо, потом обязательно наступает краткий миг, когда все становится хорошо.

Так и случилось на этот раз. То ли гремы, пораженные тем, как Зугур с Шыком расправились с влотской ордой, побоялись тронуть путников, то ли и их племени был не чужд уважаемый даже самыми злодейскими народами уклад гостеприимства, то ли еще что, но только привечали они двух родов и вагаса, словно самых дорогих гостей.

Для раненого и потерявшего сознание Луни и обессиленного Шыка быстренько соорудили носилки, Зугура почтительно взяли под руки два гремских старца с седыми косами, завязанными в узлы на затылках, и вся процессия двинулась с каменистого плоскогорья вниз, в гремское селение.

Луня очнулся в гремской гостевой горнице. Боль, так жестоко мучавшая юного рода, отступила – умелые знахарки наложили на раны целебные мази, туго перевязали сломанные ребра, заботливо укрыли Луню теплым одеялом из олених шкур.

Шык оправился гораздо быстрее, и теперь сидел вместе с Зугуром и гремскими старейшинами за большим столом, что возвышался в центре длинной и низкой горницы. Горели огни в четырех очагах, сустились хозяйственные гремки, готовясь к предстоящему пиршеству. На полу лежали большие рыжие собаки, ползали улыбчивые ребятишки, все как один, белоголовые и синеглазые.

Луня, чуть скосив глаза, увидел возле себя на стене висевшие в ряд каменные секиры, костяные ножи, зверовые копыя, короткие весла с покрытыми резьбой черенками. Почти как дома, почти как в войской горнице у вожа. В бывшей войской горнице – ныне от нее остался лишь пепел да головешки...

В гремском доме не было окон, а дым от очагов и черный чад от свечил на столе уползал в прорубленное над дверью отверстие. Не очень удобно – добрая половина влас Знича оставалась в доме, мешая дышать и видеть, зато очень тепло, а по здешним морозным зимам это важнее.

Столбы, что поддерживали матицы, украшали рога, олени, лосиные и туры. В дальнем от входа углу, по обе стороны от главного очага, обложенного громадными камнями, высились два вырубленных из дерева идола, один, одноглазый – с вороном на плече, другой – с турьими рогами на голове и каменным молотом в руках. Луня вспомнил, как Шык рассказывал о гремских богах: «Поклоняются они богу Одду, что нашему Уду сродни, и богу Тору, Туру по-нашему. Это два главных гремских кумира...» Вот они, значит, каковы, Одд и Тор...

Луня прикрыл глаза – хотелось спать. Может, гремские знахари напоили его успокаивающим отваром, а может, израненное тело требовало отдыха. Луня не стал задумываться над этим – просто уснул.

Он спал и не слышал, как сидящие за столом Шык с Зугуром и старейшины гремов завели разговор о непростых и горьких нынешних делах. Знаток языков Земель Хода Шык переводил Зугуру самое главное, а старый, седой, как лунь, с покрытым шрамами лицом грем по имени Олла неторопливо рассказывал, изредка прикладываясь к жбану с горьковатым пивом:

– Земли наших предков, исконные обиталища племени гремов, лежат на восход отсюда, почти в луне пути, в отрогах трех гор, что по-гремски зовутся Молот, Голова Тора, и Ворон. Счастливо и безбедно жили мы там, ходили к Ледовитому морю на полночь, к Соленым водам на закат, и на полдень, в земли чудов, корья, к Великому Ходу, и в ваши пределы, о

Шык, ходили наши дружины. Видать, кара ныне постигла громов за те походы, за жизнь вольную и свободную...

Никогда за сотни и сотни лет ни один враг не смог перевалить через Ледяной хребет и войти в наши владения на полуночной стороне гор. Тайные проходы под горами известны были лишь нашим колдунам и эрлам, и знания о них передавались из поколений в поколения. Никто и никогда не тревожил громов...

Однако мы знали, что мир меняется, ибо где-то далеко на полудне в муках и корчах рождался Новый Мир, и привычный порядок вещей в Старом Мире был нарушен. Лучшие мужи громов и самый сильный колдун наш отправились в середине лета туда, дабы не дать родиться Новому Миру, но они сгинули, сгинули без следа, и никто не может сказать нам, что с ними случилось...

Шык неожиданно жестом прервал говорившего, запустил руку в свою колдовскую котомку и мгновение спустя выудил оттуда небольшой кусочек витой обгорелой кости.

– Это посох Гроума! – пораженно вскричал Олла, и все гремы, что были в горнице, сгрудились вокруг стола, глядя на обломок колдовской кости.

– Хотел бы я знать, когда ты успел выхватить его из костра, о Шык Триждыпроворный и Триждызапасливый! – удивленно прошептал себе под нос Зугур.

Гремы меж тем наседали со всех сторон на волхва, требуя рассказать, как к нему попал этот обломок Гроумова посоха. Шык отхлебнул хмельного гремского варева из воткнутого в дыру стола рога, хымкнул в кулак и не спеша начал говорить:

– Гроума и остатки той дружины, что вышла с ним, мы встретили возле Спящих, а ныне Проснувшихся гор. Мы вместе бились с общим врагом, дав клятву покончить с надвигающимся злом, приближение которого оба чуяли. Ради этого мы оба отреклись от своих вместилищ чародейной земной мощи, призванной служить на благо своих народов, от посохов. Я передал Костяную Иглу другому, а Гроум сжег свой в пламени костра, и вот все, что от него осталось. Мы вместе запечатали чрево земное, не дав родиться Новому Миру, ибо как выразился мой ученик, что лежит сейчас в беспометстве, шли с Гроумом «по одни грибы».

Но мы ошибались, как ошибался и Гроум. Новый Мир все равно рождается, и место его рождения надо искать не на земле. А ценой нашей ошибки стала смерть всей гремской дружины и лучших людей из того отряда, что сопровождал меня. Это сделали тамошние нелюди, зулы, да спасут нас от них боги. Колдун Гроум сполна отмстил за всех, истребив четыре сотни зулов, но духи убиенных завладели его душой. Где он сейчас, мне неизвестно, мы расстались на берегу Южного Моря, и он один ушел назад, на восход, в Зул-кадаш, навстречу своей судьбе...

Гремы, жадно слушавшие рассказ Шыка, опустили головы. Повисло молчание. Потом заговорил Олла:

– Беда к беде... Черные вести принесли вы, странники. Этот обгорелый обломок кости морского зверя еще содержит в себе частицу сил и знаний Гроума, я чую это. Хвала богам, что ты принес ее нам, волхв, теперь у наших новых колдунов будет свой колдовской амулет, знак силы, ибо Гроум отличался от всех, кто умеет колдовать, яростью и мощь, он был колдовским БЕРСЕРКЕРОМ, если можно сказать так...

Олла умолк на мгновение, повертел в руках обломок Гроумова посоха, потом продолжил свой рассказ о недавних событиях:

– В середине среднего месяца зимы увидели мы, как многолюдное и сильное войско в спешке и без потерь миновала ледник на правом плече Ворона и вошло в Каменную Долину по нашу сторону Ледяного. То были ары, а с ними хуры, корья и еще какие-то неизвестные нам люди, что ходят в цветных одеждах из толстой шерсти и бьются длинными копьями и луками. Как удалось им так легко преодолеть непроходимые горы, губительные для всего живого – я не знаю, но наверняка тут не обошлось без чар и колдовства.

Мы не ждали от войска находчиков добра – гремы всегда были друзьями богов и врагами всего мира! Так оно и случилось – арский отряд во второй же день отыскал и напал на наше потаенное селение в укромном урочище меж двух скалистых отрогов гор. Ары, да выключают вороны Одда их злобные глаза, убили всех наших женщин, стариков и детей, и хотели захватить в полон мужчин, но грема, как ты знаешь, волхв, в полон захватить нельзя...

Еще ни разу за все то время, что люди живут на Земле, не разорял враг гремских селений, ни разу не гибли дети, женщины, дома наши... Ярость гремов трудно описать словами. Мы стали подобны кострам, что раздувает ледяной ветер на склонах наших гор. Но нас оказалось слишком мало...

Да, мы собрали Большую Дружину, и все гремские колена дали в нее воинов. За секиры взялся и стар, и млад. Но даже выведя на битву седых старцев вроде меня и желторотых юнцов, которым еще не заплели кос, мы числом и вполосину не сравнялись с войском находчиков.

Это была славная битва, волхв! Горы сотрясались, когда наш боевой клич гремел над полем брани, земля лопалась под каменной поступью нашей дружины. И мы не уступали врагу, не уступали, беря за одну свою жизнь две, а то и три чужих, а в битве с арами это нелегко, ты знаешь – арские собаки искусны в ратном деле...

И вот в самый разгар сечи наш Большой Эрл, Эйр из дома Эйра, собрал всех гремских колдунов и велел им набросить на вражье войско чары неведимости, вроде тех, коими поразил ты, волхв, горных великанов тролль там, на склоне горы.

Это было нашей ошибкой, главной и роковой. Ибо как только наши колдуны взялись плести свою магическую сеть, тут же какой-то невероятно сильный маг, а может и чужой бог, ударил по нашим ратям голубыми молниями. Возмездие, волхв, то было возмездие за то, что мы использовали чары...

Во мгновение ока все колдуны, что были на бранном поле, оказались убиты, испепелены дотла, от них остался лишь прах, а в следующее мгновение полегли все эрлы, вожди дружин – их легко можно было выцелить по турьим рогам на шлемах.

Да-а... Мы славно бились, но дружина без эрла все равно что волчья стая без вожака. Враги зажали нас в теснине меж гор, и хотя и положили там своих два десятка сотен, из наших едва уцелело сотен пять, не более того.

И вот уже луну с лишним отступаем мы, а честнее – бежим на закат, к Соленой воде, к Последней горе, прячемся по глухим ущельям и горным распадкам, бьемся с горными великанами тролль, отвоеывая у них право на жизнь, а враги ставят заставы за нашими спинами, и лишь боги знают, суждено ли нам будет когда-нибудь вернуться на земли предков и возродить былую славу гремского народа...

– Понятно. – Шык сверкнул глазами: – Ары и впрямь захватили все земли по закатную сторону Серединного. И даже отсюда дорога на восход нам закрыта. Понятно...

Тут вновь очнувшийся Луня попросил пить, Шык с Зугуром и гремы кинулись к нему, и разговор на время прервался. Прервался – но не закончился. Вечером, на праздничном пиру в честь гостей Шык украдкой спросил у Оллы:

– Не хочу омрачать веселья тяжелыми разговорами, но ответь мне, почтеннейший, что же все таки вы собираетесь делать дальше, ведь эта гора, у подножия которой мы с вами встретились – и впрямь ПОСЛЕДНЯЯ, дальше – только море?

Олла помолчал, отхлебнул из рога темного хмельного варева, потом ответил:

– У нас лишь один путь – либо идти на полдень, в земли народа чудь, либо умирать здесь, постаравшись забрать перед смертью побольше вражеских жизней. Арские отряды с семидицу назад появились за восходными ущельями, это пять дней пути отсюда. Пока они не идут дальше, строят в долине за нашими спинами свои проклятые башни, но кто знает, что

будет завтра? По любому выходит, что наша более-менее спокойная жизнь здесь кончилась, волхв.

Есть еще земля на полуночь и закат отсюда, но она совсем бесплодна, там голые скалы и вечный холод, это царство Смерти, владения Снежной Старухи Коук-ка, и людям не выжить там. Гремы все еще не решили, бежать ли им дальше, или сражаться до последнего...

А теперь скажи мне ты, волхв Шык, что завело вас в наши горы, и зачем вы идете на восход, во владения врагов наших, и ваших, как я понял из слов твоих?

Шык усмехнулся, тоже отхлебнул из рога – гремское варево хорошо освежало, не клонило в сон, а наоборот, бодрило и придавало сил, потом, покосившись на внимательно слушающих гремов, сказал:

– Это очень долгая история, о Олла. Если ты согласен выслушать ее, пойдём-ка вон туда, поближе к очагу, и к ложу моего ученика, посидим там вдвоем, чтобы никто не помешал нам, и я расскажу тебе всю правду о Великом Лихе, что напоздаёт ныне на обитаемый мир...

* * *

Говорили они долго. Уже утомились пирующие гремы и разошлись по своим наспех построенным домам, уже убрали женщины посуду и объедки с большого стола, собаки догрызли кости и уснули, погасли огни в светильнях, и лишь пламя очагов освещало горницу.

Не было в ней и Зугура – захмелевшего вагаса увела с собой одна из златоколых гремок, которой приглянулся статный черноволосый чужеземец. Много ныне вдов у гремов, горька вдовья доля, а жизнь требует свое...

Вновь уснул Луня, выпивший по настоянию Шыка успокаивающего отвара. Ученику волхва требовалось теперь много сна – раны лучше заживают, когда человек спит, это всем известно.

Только два седых старика, примостившись на краю Луниного ложа, грели руки над пламенем очага и говорили, говорили... Сперва Шык без утаек рассказал Олле все, что произошло с ними за последний год, поведал о цели их похода, о Владыке и о Великом Лихе, что наслал тот на Землю. Потом заговорил грем:

– За великое и трудное деяние взялись вы, о Шык! Но если удастся оно вам – все народы мира воспоют вам хвалу и славу. Мы поможем вам всем, чем только сможем, ибо, как понял я из слов твоих, боги наши, равно как и ваши, враждуют с Владыкой – иначе не напали бы злобные ары и другие находники на наши земли и селения. И еще – помощью своей искупим мы хотя бы малую толику вражды и неприязни, что есть между нашими народами, потому что вижу я теперь – не врут предания и саги, и впрямь много общего у наших народов, и лучше было бы нам жить в дружбе...

– Но и ары нам и вам – далекие родичи! – прервал старого грема волхв. Олла гневно сверкнул глазами:

– Ары! Гордыня затмила их разум, жажда владеть мирам и народами его – глаза. Они и раньше гнушались говорить с гремами, считая нас дикарями, а ныне видят лишь Карающий Огонь, что горит в сердце каждого из них, и глас разума людского бессилён достичь их ушей...

Шык хотел было сказать, что еще прошлой зимой этот глас так же был бессилён достичь ушей гремов, которые в набегах своих и впрямь уподоблялись дикарям, вроде влотов, но промолчал – северных рыжеколых гордецов Судьбина покарала более жестоко, нежели родов, а кидать камни в раненого волка недостойно мужа.

Олла меж тем вернулся к разговору о помощи путникам:

– В подтверждение слов своих, о Шык, я хочу поведать тебе: есть отсюда путь на восход, пусть и непростой, но верный! Идя по нему, многие трудности и опасности придется преодолеть, но еще больших опасностей можно избежать, и главная среди них – встреча с проклятыми арами и другими чужаками, что сели ныне на наших землях. Я говорю о Реке Забвения, что течет под Ледяным хребтом на восход. Слышал ли ты о ней?

Шык, пораженный, внимательно посмотрел в выцветшие, прозрачные глаза старого грема, потом утвердительно кивнул и сказал:

– Чародейная река, вода которой обладает силой, соизмеримой с силой огня, ветра и камня! Гроум принес совсем немного ее с собой во фляге, но и этого небольшого количества хватило, чтобы запечатать Лоно Земли, место, где ярился Карающий Огонь! Однако неужели ж по Реке Забвения можно плыть, словно по обычной, земной реке?

Тут пришла очередь Оллы кивать:

– Можно, и в былые времена плавали по ней люди, гремы плавали. Так говорят наши саги. Как же там... М-м-м... Нет, сам уже не вспомню...

Олла повернулся, поискал взглядом в полутемной горнице кого-то, тихо и протяжно свистнул. Из мрака выступила рослая фигура могучего грема с секирой, что нес сторожевую службу у дверей. Старец обратился к воину:

– Скажи, Инг, ты помнишь сагу о Бьёре и Тиуле? То место, где они плыли по Ортайгу?

Воин сдержено кивнул, примостил секиру возле ног, присел и сдерживая рокошующий голос, более привыкший к боевым кличам, нараспев начал:

...В лоно черных гор спустились.
Меркнет свет костра ночного.
Ночь глаза свои закрыла.
Вот Ортайг лежит пред ними.
Бьёр взял кожу Долголетних,
Прошептал заклятье тихо,
И на черной горной крови
Водяной конь закачался.
Сели Бьёр и Дочь Капели,
Златокудрая Тиула,
И Ортайг понес их быстро
Под костями гор высоких...

– Ортайг – это и есть река забвения! – торжествующе закончил гремский старейшина, потом кивнул Ингу, и воин, ступая неожиданно мягко и неслышно для своей могучей стати, исчез во тьме горницы.

– Да, занятая былина, но тут много непонятного, о Олла! Скажи, к примеру, ты знаешь, что такое «кожа Долголетних»? И какое заклинание прошептал этот... Бьор? – спросил Шык, но у самого уже зажглись глаза, появился в них хорошо знакомый Луне и Зугуру «огонек деяния».

Олла покачал головой:

– Про заклинание ничего не знаю. А «Долголетние» – так в сагах называют деревья. Главное – плыть по Ортайгу можно. Хуже другое – тайные норы и ходы к берегам подземной реки знали лишь колдуны, что спускались туда, творя чары и принося в жертвы Ортайгу тела врагов, упокоенных на горящих челнах... Но все колдуны погибли в той страшной битве у Трех гор...

Шык задумался. Потом тряхнул головой:

– Путь к Реке Забвения я отыщу, и поможет мне в этом посох Гроума. Нужна лодка!

Олла вновь покачал головой:

– Все челны, на которых мы плавали по рекам полуночной стороны и по Холодному морю, сгорели в наших селениях или достались врагу. Да и сага говорит о том, что Бьёр создал своего «коня вод» колдовством – обычная лодка не сможет плыть по Ортайгу.

– Ладно! – неожиданно легко согласился Шык: – Колдовством – так колдовством. Благие великие дарю тебе, старейшина, за слова твои нынешние и деяния будущие. А сейчас давай-ка ложиться спать, почтеннейший Олла, у нас говорят просто: утро вечера мудренее...

* * *

Утро следующего дня Луня встретил уже на ногах. Чары Шыка, отвары и зелья гремов сделали свое дело – боль утихла, перестала кружиться голова, а сломанные ребра хотя и донимали при резких движениях, но это невеликая резь в боку не шла ни в какое сравнение с тем огнем, что обжигал Лунино тело накануне.

Зугур, с кругами вокруг глаз, красноречивее всяких слов говоривших о бессонной ночи, проведенной в тяжких, но приятных всякому трудах, сидел за столом и восстанавливал свои силы кабаньим окороком. Шык и Олла с утра пораньше отправились говорить с гремскими стариками – вдруг кто-то из них что-то еще знает об Ортайге?

Луня, пошатываясь, добрал до стола, сел возле Зугура и набросился на снесь, словно голодный волк. Вагас, не отрываясь от своего окорока, подмигнул ученику волхва – не смотря на изможденный вид, настроение у Зугура было приотличнейшее, а румяная гремка, у которой он гостил ночью, и вовсе прыгала, ровно рыжая белка, поднося мисы и блюда со снесью.

Едва побратимы покончили с едой, вернулся Шык и гремские старейшины. Волхв пожелал своим спутникам доброго обеда, присел на скамью возле Луни и тихо спросил:

– Саккатт, ну, щепка та, которой Вокуя тебя одарила – цела? Не отняли влоты?

Луня помотал головой – цела, мол, удивленно глянул на Шыка – а на кой она понадобилась? Волхв усмехнулся, встал, подошел к Олле:

– Ну, достопочтенный, все готово! Привяжи обломок посоха Гроума к шнуру из кожи змеи, и передай мне. Я отыщу ход, ведущий к подземной реке.

Олла быстро исполнил просьбу Шыка, затем велел принести три туго набитых мешка с припасами для дальней дороги. Отдельно уложили охапку смолистых факелов – чтобы в подгорной тьме было чем освещать путь.

Луне гремы подарили легкую и теплую шубу из шкур неведомых родам тундровых быков – тулупчик, в котором ученик волхва вышел из Сырых оврагов, был весь искромсан влотами. Принимая подарок, Луня невольно удивился – если бы еще полгода назад ему сказали, что он будет гостить у гремов и оденет их одежду, он ни за что бы не поверил, а то и врезал клеветнику промеж гляделок, но сейчас былая ненависть к жителям Ледяного хребта ушла, и не то, что бы Луня простил гремов, нет, такое не прощают, просто перед Большой Бедой все остальное меркнет, теряет смысл, или, на худой конец, может подождать...

Сборы и прощания не затягивали – Яр уже высоко поднялся над миром, осветив горы, ледники и ущелья. Время течет быстро, куда быстрее вод любой, пусть даже и колдовской, реки. Надо спешить!

Небольшой отряд, куда помимо Шыка, Луни, Зугура и Оллы вошли еще двое седых стариков и десяток воинов-гремов под водительством Инга, скорым шагом двинулся на восток, спускаясь со склона Мурашника, на котором примостились последние селения гремов.

Перед тем, как уйти, Зугур неожиданно шагнул к стоящей в толпе родичей гремке, у которой провел ночь, взял ее за руку, приложил узкую ладонь к обтянутому кожаными перед-

ником животу, потом к губам, поцеловал пальцы и чуть дунул на них. Девушка улыбнулась вагасу, но в глазах ее стояли слезы.

– Чегой-то, дяденька? – спросил любопытный, но непонятливый Луня. Волхв вздохнул:

– Дитё у ней будет. Зугуров сын, как мне видится. А вот доведется ли им еще встретиться – про то никто не ведает. Зугур, по своему обычаю, благословляет будущего своего... Ох, и времена нам выпали, Луныка, ох и времена...

* * *

Шли весь день. Далеко впереди, хоронясь за камнями и скалами, крались дозорные гремы – чтобы арские передовые сотни внезапно не напали на маленький отряд. Шык шагал, уткнув нос в бороду, ни на кого не глядя, все внимание свое обратив на обломок Гроумового посоха, что висел, покачиваясь, на свитом из змеиной кожи шнуре, привязанном к корню каменоломки.

Зугур, Луня, Олла, гремские старейшины и Инг с несколькими воинами шли следом, в тишине и молчании – дабы не мешать волхву. Изредка, в опасных и неудобных для ходьбы местах двое гремов по приказу Оллы брали Шыка под руки, но тот, казалось, и не замечал этого, занятый поисками пути к Ортайгу.

Яр закатился за конус оставшегося позади справа Мурашника, усилился мороз, поднялся ветер, начал хлестать колючим снежком по лицам людей, но Шык продолжал свой путь, и никто не остановился, не рискнул отвлечь волхва.

Хуже всех приходилось Луне. Его раны, хоть и затянулись, но на морозе отчаянно мерзли и ныли, кроме того, ученик волхва сильно устал – целый день на ногах! Зугур, шагавший рядом, уже давно отобрал у Луни и мешок с припасами, и сад с луком и стрелами, чтобы хоть этим помочь побратиму, но лишь на время облегчил страдания юного рода.

И вот, когда Луня уже готов был рухнуть от изнеможения на холодные, заснеженные камни и умереть, Шык внезапно остановился, приник к земле у подножия высокой, на копейный наконечник похожей скалы, потом выдохнул:

– Факел! Огня сюда!

Гремы быстро закрыли стоящего на коленях волхва полами плащей – чтобы враг не заметил ни искорки, и тут же затрещал смолистый факелок в руке Инга.

Луня, преодолевая боль и усталость, протиснулся вперед – любопытство ли, долг ли ученический вели его – он и сам не знал. Выглянув из-за Зугурова плеча, Луня увидел, как в трепещущем свете факела кусок посоха Гроума бешено вертится на змеиной коже, подпрыгивает, словно в нетерпении, прямо таки рвется куда-то под скалу, вниз, вглубь...

– Нашел! – торжественно объявил Шык: – Это – здесь!

Азартно засучив рукава, словно дрова собрался рубить, волхв вскочил на ноги, бережно передал Олле кусок колдовского посоха, и принялся топтаться возле скалы, что-то бормоча, закрывая глаза, водя ладонями над стылым камнем. Потом, не глядя, приказал:

– Луня! В котомке там... Плакун-трава, в бересту обернута. Давай скорей!

Луня, мигом забыв о своих болячках, шагнул в круг света, к волхву, сунул руку в котомку, нашел берестяной свиток, вынул из него несколько черных былинки с зубчатыми листьями, передал Шыку.

Сложив две веточки чародейного плакуна накрест, волхв принялся бормотать кладовой наговор, что помогает открыть сокровище, но когда закончил и трижды дунул на траву, ничего не произошло – черная скала стояла непоколебимо.

– Луня! Разрыв-траву давай, она меж двух плашек, с четырьмя листиками! – вновь приказал Шык, требовательно протягивая руку к ученику.

Но ни разрыв-трава, ни даже прострел-колюка не помогли волхву. В сердцах Шык пнул скалу ногой и сел на камни, злой и уставший.

– Чего делать будем, дяденька? – робко спросил присевший рядом Луня.

– Чего-чего... – раздраженно передразнил ученика Шык: – Кабы знал, чего, не тебе бы отвечал, а делал! Думаю я...

Грема, стоя вокруг, тихо переговаривались. Факел потушили – береженого Тор бережет. Изредка где-то вдали, в ночной тьме, раздавался тихий посвист – то дозорные давали знак Ингу, что все тихо.

В темно-синем, почти черном небе, висели низкие увалистые тучи, изредка в рваных разрывах вспыхивали яркие звезды, но разрывы тут же затягивало, и глаза ночи, как их называли гремы, исчезали в мутном мраке... Луня, опустив голову, поплотнее запахнул надетый поверх дареной шубейки меховой плащ, закрыл глаза и начал представлять, как выглядит уходящий из-под острой скалы в глубины гор ход. Мысли текли неспешно, уставшее от боли ран тело отдыхало, и Луня постепенно начал проваливаться в полудрему...

«Может, этот ход – такая же нора, что вела от гнезда драгона к Озеру Кипящего Камня?»

«Н-е-ет...», – тихо ответили горы.

«Широкий коридор, как у Седых в Лысой горе?»

«Н-е-ет...», – вновь прошептали камни.

«А может, это... лестница со ступенями, как у Веда в Звездной Башне?»

«Да...», – прошелестело в ушах у Луни, и тут он ясно увидел, с закрытыми глазами увидел – и ступени, и вход, запертый скалой, и Приметный Камень, вон там, сбоку...

– Луня! Сомлел, что ли? Вставай, Олла тут пещеру отыскал рядом, ночевать пойдем! – негромкий голос Шыка вывел Луню из морочного тумана, и парень удивленно завертел головой – спал он, что ли? А может, взаправду, с горами разговаривал?

– Щась я, дяденька! Ага, за камень сбегая – и иду! – кивнул волхву Луня, скривился от боли в сломанных ребрах, поднялся, и держась за скалу, пошел туда, где привиделся ему Приметный Камень.

Вот он, и впрямь на месте – угловатый, словно люди тесали. Луня пнул камень ногой, и вдруг с глухим рокотом скала начала заваливаться на бок, падать, открывая еще более темный, чем окружающая ночь, зев подгорного хода.

Когда скала начала двигаться, гремы и Зугур схватились за оружие, изумленный Шык аж присел, непонимающе глядя вниз, в возникшую черноту, а Луня, герой героем, выбрал на негнущихся ногах из-за темной скальной туши и стараясь быть как можно беспечнее, сказал:

– Вот он, ход-то! Можно идтить, дяденька!

* * *

Узкий проход и впрямь вел к Реке Забвения, к колдовскому Ортайгу, это доказал обломок посоха, едва не утянувший Оллу вниз по крутым ступеням. Шык только всплескивал руками, глядя на Луню – и как учуял-то, стервец! Зугур, глянув в подгорную черноту, сразу сник – вагас терпеть не мог воды, леса, гор, а уж про подземелья и говорить нечего. Степь,

широкая, привольная, зеленая степь – вот место, где должен жить человек! Должен, если ему не мешают...

Запалив факел, Шык первым шагнул вниз по выщербленным каменным плитам. Колеблющееся желтое пламя осветило уходящий в таинственную, сумрачную глубину проход, и неровные края ступеней, убегающие, казалось, в самое сердце земли.

Пламя осветило и кем-то высеченный на камне стены слева от входа знак – четыре переплетенных гранями треугольника.

– Единство четырех стихий – огня, воды, камня и ветра. – пробормотал себе под нос Шык: – Вона что! Не иначе как какую-нибудь пакость породит это единство! Что ж, поживем-увидим...

Долго, бесконечно долго спускались трое путников и трое гремских старейшин вниз. Инг с воинами остался по приказу Оллы наверху – нечего простым мужам делать на берегах Ортайга, да и вход охранять надо надежно.

– Не уж-то гремы тесали эту норищу? – удивленно спросил Шык у Оллы, едва они спустились на десяток ступенек вниз. Грем отрицательно помотал головой:

– Нет, о Шык, это дорога богов и мудрых, лишь они могут ходить к Ортайгу, ими и проложен ход.

– Зачем же богам ступени? – удивленно и не очень почтительно глянул на Оллу волхв.

– Того мне не ведомо! – торжественно откликнулся старейшина, для которого спуск в святые для каждого грема места стал настоящим таинством.

Луня, опираясь на руку Зугура, шагал по стертым ступеням, закрыв глаза – мельтешащее пламя факелов утомляло. Ступени шли с четкой разницей в треть шага, так что ни оступиться, ни упасть сын лучшего охотника во всех родских лесах не боялся – он привык ходить по лесу ночью в полной тьме.

Луня СЛУШАЛ. Нет, не разговоры Шыка с Оллой на тарабарском гремском языке, и не ворчание враз покрывшегося испариной Зугура о том, что недостойно столь славным мужам, как они, ползать под землей, ровно червям. Луня слушал голоса гор, шепот камней, стоны сбитых ступеней под ногами, плач сочащихся по трещинам каменных вод, тихий вой песка в заповедных пещерах, где никогда не ступала нога человека, и грозный, грохочущий, но где-то очень-очень далеко отсюда, рев Карающего Огня, что ярится в недрах земных.

Наконец каменная лестница кончилась, и люди вышли на ровную полукруглую площадку у ее изножья. Факела ненамного рассеивали подгорный мрак, и Луня сначала даже не понял, что вокруг них застыла совершенно гладкая, черная, непроницаемая и не дающая бликов поверхность воды. Река Забвения, колдовской Ортайг...

Олла и двое его седовласых спутников опустили на колени, хором тягуче приветствуя черные воды. Шык, Зугур и Луня тоже поклонились колдовской реке, величайшему чуду Ледяного хребта и главной святыне гремского народа.

Потом Олла обратился к волхву:

– Вот мы и у цели! Отсюда воды Ортайга неспешно движутся на восход, и как говорят наши саги, там исчезают под последней вершиной Ледяного в Бездонной Чаше. Это ваш путь, но скажи мне, о Шык, как же вы собираетесь плыть по колдовской реке?

Волхв, затаив в усах улыбку, вместо ответа кивнул Луне:

– Давай-ка, доставай Саккатт Вокуи да не забудь нужных слов, чародей Луня!

Ученик волхва достал из пришитого под рубахой кошель маленький кусочек коры с воткнутой в середину щепочкой, положил его осторожно на застывшую у самых ног черную воду, поднял руки и торжественно произнес:

– Этьик – кыык... Эча – уна!

Произнес – и замер, глядя во все глаза – что будет? Некоторое время ничего не происходило, а потом вдруг словно лесным ветерком повеяло в застоявшемся пещерном воздухе.

На миг всем послышался шелест листьев, далекое пение птиц, журчание ручейка и звонкая песенка на непонятном языке. И тут же кусочек коры начал с треском расти, в длину и вширь, торчавшая вверх щепочка упала и вот уже на зарябившей воде чуть заметно покачивается небольшая, в пять шагов длиной, лодка из древесной коры с удобным, двухлопастевым веслом, лежащим поперек.

Луня только присвистнул – вот так Вокуя-замарашка, вот так Саккатт! Гремы зашептались удивленно, Олла благоговейно поднял руки вверх:

– Саги оживают на наших глазах, братья! Дивное диво мы увидали! Конь Вод создан был колдовством юного отрока и готов он для плавания по Ортайгу, не топит челн колдовская река! Спасибо богам за это!

В миг прощания Шык, по гремскому обычаю положив обе руки на плечи Оллы, торжественно сказал:

– Великую вражду испытывали раньше наши народы! Но в час беды, в час Великого Лиха и помощь, что получили мы от вас, гремы, оказалась великой! И предвижу я, что если удастся нам сполнить замышленное, то потом, в далеком будущем, ваши и наши потомки еще не раз будут помогать друг другу. Благи дарю я вам, о гремы, и надеюсь, что доведется нам еще свидеться на этой земле!

Вслед за Шыком с гремами попрощались и Луня с Зугуром. А потом волхв первым ступил на качающийся челн из коры, подхватил весло и сел на корме, следом за ним с опаской и неуклюже уселся в середине Зугур, и последним, с факелом в руке, устроился на невысоком носу Луня.

Гремские старейшины вскинули руки в прощальном приветствии, Шык свистнул, взмахнул веслом, и утлый челн заскользил по черной глади воды. Вскоре три высокие, седовласые фигуры гремов растаяли в подгорном мраке.

Плыть по Ортайгу оказалось удивительно легко. Не смотря на совершенную гладь, колдовская река все же текла, медленно перемещая свои воды в попутную сторону, на восход. Между каменным сводом и черной водой оставалось свободное пространство в человеческий рост, так что путникам не приходилось сгибаться, а чудинская лодочка оказалось на диво быстро и послушной в управлении.

Луня, укрепив факел на носу лодки, прилег, подстелив под себя плащ, и принялся смотреть вперед, в мрак и тьму. Ему казалось, что они скользят по черному льду, бесшумно и быстро. Свет факела выхватывал из тьмы неровные каменные глыбы, нависающие сверху, изредка то справа, то слева появлялись такие же неровные стены, и нигде, нигде не чувствовалось присутствия человека.

– А где мы будем спать? – недовольным голосом спросил Зугур.

– Если не найдем ровного берега – прямо в лодке! – ответил Шык, не переставая грести.

– А нужду справлять тоже прямо в лодку? – язвительно поинтересовался Зугур, разминая затекшую ногу. Шык озадачено промолчал. Луня тоже задумался, отвлекшись от созерцания унылого подгорного мира.

А в самом деле? Все же Ортайг – это не обычная река, не Ва, не Буря, не Аась-га. Помочишься в нее и вдруг разгневаешь горного духа, и он найдет на тебя какую-нибудь пакость? Ведь не даром Ортайг зовется Рекой Забвения. Н-да, нескладуха, да еще какая!

Тут Луня почувствовал, что лодка остановилась. Он обернулся и увидел, как Шык, перегнувшись через низкий борт, пристально глядит в непроглядно-черную воду. Луня взял факел и посветил волхву. Шык кивнул, и осторожно опустил руку в воду.

– Эй, эй, Шык! – встревожено вскричал Зугур: – Не трогай ты эту воду, растопчи ее черные жеребцы! Беды не оберешься!

– Это... не вода. – негромко сказал волхв, и в доказательство своих слов показал спутникам пальцы, совершенно сухие, словно он и не окунал их в реку.

– А что ж это, дяденька? – тревожно спросил Луня, и дурное предчувствие сжало его сердце.

– Это как сыпучий снег... Нет, скорее как песок... Или как икра белужья... Каждая частичка воды не касается другой, они просто лежат друг на друге, как песчинки. Дивно и непонятно!

– Ну, а мочиться-то в этот водяной песок можно? – нетерпеливо спросил Зугур.

– Да. Я думаю, лиха не будет. – кивнул Шык и вновь взялся за весло.

– Ну слава богам! – Зугур завозился, крикнул, и вскоре журчание и облегченный вздох подтвердили, что лодка стала немного легче.

И снова скользил чуди́нский челн в полной тишине по аспидной глади колдовской реки, снова плыли навстречу каменные глыбы. Луня запахнул плащом ноги, сменил догоревший факел и вскоре не заметил, как уснул.

* * *

Он не видел снов, видения и мороки не посещали израненное и уставшее тело юного рода. Но пока Луня спал, перед ним все время стояло лицо Руны, и лицо это было тревожным и даже испуганным...

– Лунька, факел! Будешь спать – разобьемся же! – в голосе Зугура звучало неподдельное удивление – как это, воин на посту, и вдруг уснул!

Луня вскинул голову, открыл глаза, и чувствуя себя разбитым, злым и голодным, (а ведь и дремал-то чуть!) вытянул из связки деревянный колышек факела, запалил его от догорающего собрата, утвердил на носу, и принялся глядеть в ползущий навстречу мрак – спать оказалось еще хуже, чем бодрствовать...

Глава пятая

Страж Чашы

В подземельях человек, даже если он долго не видит солнышко, все равно чувствует, знает, когда кончается день и наступает ночь. Шык объяснил это своим спутникам, и начал притуплять челн к левому берегу, ища более-менее подходящее для сна местечко – по понятиям волхва, было уже глубоко за полночь, и все нуждались в отдыхе.

Но челн все скользил и скользил вдоль темных, ноздреватых глыб камня, встающих из черной воды, и никакого ровного карниза, полочки или пяточка, на который человек не то, чтобы лечь – встать бы смог, путники не видели.

– Дяденька, а чего нам сделается, если мы в челне поспим? – поинтересовался Луня: – Ведь все равно река нас прямо потихоньку, или к берегу прибьет – тож не беда!

– А и верно, волхв! – поддержал Луню Зугур: – Тут, как мне кажется, на сто дней пути ни одной живой души. Спать охота, сил нет! Айда ложиться!

Шык молча пожевал губами, от чего его борода смешно задвигалась, покачал головой, а потом махнул рукой:

– Ладно, в челне, так в челне! Живые-то души здесь есть, я это чувую, да и Лунька, наверное... Но не близко они, так что сегодня без дозора обойдемся!

И совсем уже другим голосом добавил:

– Зугур, копыта-то подбери, где ж я, по твоему вагаскому разумению, спать буду?

Эта «ночь» не принесла путникам никаких неожиданностей. В царившей вокруг тьме Луне трудно было понять, когда действительно восходит светлый Яр там, наверху, на земле, но Шык, будя спутников, утверждал, что сейчас именно утро, гусёва пора, и надо вставать.

Челн все то время, пока они спали, медленно влекло течением Ортайга на восход, но сколько они проплыли, и сколько им еще плыть – этого не знал даже Шык. В конце пути они должны были услышать гул воды, низвергающейся в Чашу, править к левому берегу, и глядеть в оба, чтобы не пропустить начало каменной лестницы, что должна была вывести их наверх, к подножью крайней, восходной вершины Ледяного хребта.

* * *

Минуло, судя по зарубкам, которые делал Шык на черенке весла, две седмицы пути. Желтое пламя факелка, тишина такая, словно бы в уши набили сухого мха, тяжелый, застоявшийся воздух...

Ортайг утомил путников. Черные, похожие на жутковатое варево воды подземной реки, черные камни по бокам и сверху, и черный мрак вокруг – все это давило на людей, лишало их мыслей и желаний. И так – день за днем, день за днем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.